РОВЕСНИК

№ 11/85
Ноябрь

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ISSN 0131—5994

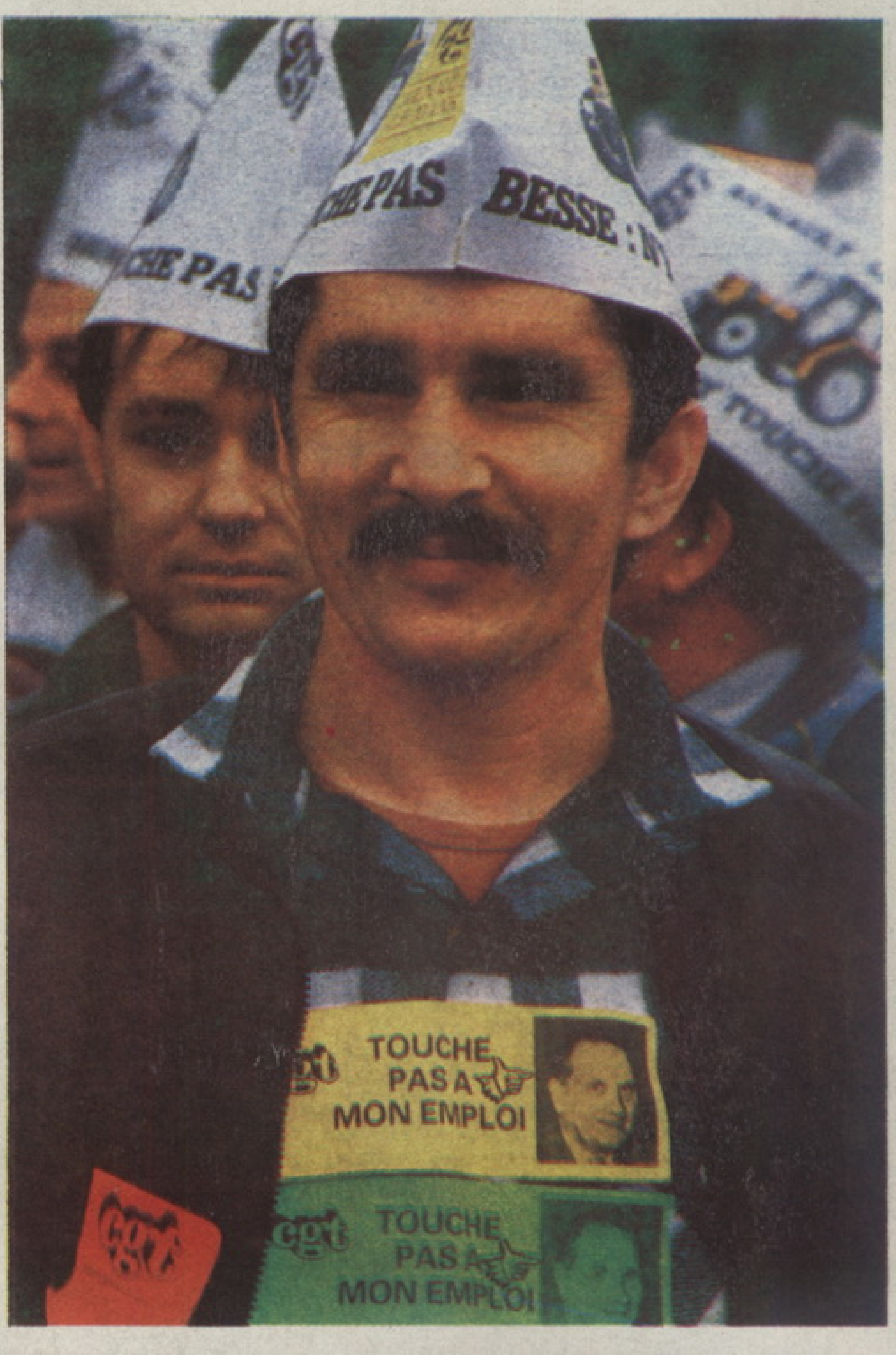
СИДНЕЙ. В Австралии все более широкие массы включаются в кампанию протеста против любых форм сотрудничества с расистским правительством ЮАР. Докеры Сиднея отказались разгружать корабль, пришедший с грузом из Йоханнесбурга. Их поддержал профсоюз портовиков. В Мельбурне профсоюз дизайнеров и декораторов потребовал закрыть экспозицию южноафриканских товаров стоимостью в 1 миллион долларов на международной технической выставке. Требование профсоюза было удовлетворено, поскольку организаторы выставки опасались бойкота со стороны общественности.

КИНГСТОН. Ямайку называют туристским раем. Но даже беззаботные богачи, которые приезжают на остров развлечься и набраться экзотических впечатлений, замечают, как год от года явственнее становится обнищание местного населения. Более 25 процентов трудоспособных ямайцев не имеют ни работы, ни надежды когда-либо получить ее. За последние два года цены на продукты питания и товары первой необходимости выросли в 2—3 раза. Инфляция превышает 30 процентов. На снимке: так убивают время молодые безработные в Кингстоне.

ПАРИЖ. На снимке — демонстрация французских трудящихся, на шапках и плакатах надпись: «Не трогайте мою работу!» Сейчас это один из самых больных и самых жизненно важных вопросов для французов. В 1984 году потеряли работу 430 тысяч человек, в этом году ожидается, что число оставшихся без места значительно вырастет. Безработица достигла небывалой цифры — более 2,5 миллиона. Предпринимательская политика — резкое сокращение штатов и зарплаты во Франции и вложение капиталов за рубежом, где более дешевая рабочая сила и выше прибыль,— ведет к общему обеднению страны. И, отстаивая свое рабочее место, трудящиеся защищают национальные интересы Франции.

ТОКИО. Все больше и больше рядовых японцев, не доверяя правительству Я. Накасонэ, пошедшему на поводу Вашингтона, стремятся взять в свои руки заботу о сохранении мира. Уже сейчас в районах, органы самоуправления которых провозгласили свою территорию безъядерной зоной, живет 44 процента населения страны. Более 600 муниципалитетов за последние месяцы приняли резолюции против ядерного оружия, в 1982 году в Японии было всего 52 безъядерных города. Сторонники мира ставят своей задачей очистить территорию Японских островов от всего, что имеет отношение к подготовке ядерной войны.

ЛИМА. Их можно увидеть на улицах столицы Перу днем и ночью, оборванных, грязных. Они роются в мусорных баках в поисках пищи, продают разную мелочь, просят милостыню, иногда стоят, вдавив нос в витрину телевизионных магазинов. Это бездомные дети в возрасте от четырех-пяти лет и до пятнадцати. Их бросили родители, многие даже не знают своего имени и откликаются на прозвище, которое им дали товарищи по уличному житью. Перуанские власти считают, что в Лиме 150 тысяч детей не имеют дома, газеты утверждают, что их число превышает 300 тысяч. Специалист по детским неврозам Артидоро Ка-

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ ■ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД МОЛОДЕЖИ ■ ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

серес обращает внимание общественности на высокий процент самоубийств среди доведенных до отчаяния маленьких бродяг. «Мы не знаем, как решить эту проблему»,— сказал глава национальной гвардии столичного района генерал Мануэль Агрaмонте.

ЛОНДОН. Национальный профсоюз учителей выступил с заявлением «Кризис британских школ». В течение последних десяти лет, говорится в нем, правительство ежегодно сокращало ассигнования на образование. В результате такой политики все сельские школы пришли в негодность: протекают потолки, кусками отваливается штукатурка, дымят печи — учителя опасаются за здоровье и жизнь учеников и вынуждены прекращать занятия в холодные дождливые дни. Фактическая зарплата преподавателей в настоящее время на самом низком уровне за все послевоенное время. Те из них, что нашли другую работу, оставили школу. Заявление заканчивается призывом к общественности «Спасти молодежь — будущее нации, добиться повышения ассигнований на образование».

ТЕЛЬ-АВИВ. Для израильских трудящихся наступили особенно тяжелые времена. Правительство ввело «чрезвычайные экономические меры», которые означают повышение цен на все, начиная от квартплаты и кончая хлебом и молоком. Согласно официальным данным рост дороговизны составил в целом 97 процентов. Так трудовые люди Израиля должны оплачивать агрессивную политику сионистов. В течение последних трех лет правительство тратило по миллиону ежедневно на финансирование агрессии против Ливана. Введение «чрезвычайных экономических мер» вызвало массовые выступления протеста, которые проходят под лозунгами: «Хлеба и работы — для всех!», «Меньше денег на вооружение и войну, больше — на социальные нужды!» На снимке: арест участника демонстрации против антисоциальных законов.

НЬЮ-ЙОРК. «Соединенные Штаты субсидируют апартеид!» — так оценивают студенты крупнейших университетов США политику «конструктивного сотрудничества», которую проводит администрация Белого дома по отношению к режиму апартеида в ЮАР. Что означает «конструктивное сотрудничество»? Американские капиталовложения в экономику ЮАР приближаются к 15 миллиардам долларов, в ЮАР действует более трехсот американских компаний, еще 500 крупнейших фирм США поддерживают связи с ЮАР. Студенты требуют, чтобы США прекратили финансовую поддержку апартеида, порвали торговые связи с ЮАР. На снимке: демонстрация студентов Висконсинского университета, выступающих против сотрудничества с расистами ЮАР.

ГАВАНА. Союз молодых коммунистов Кубы (СМК) получил перевод из Стокгольма — 227 тысяч шведских крон по завещанию рабочего Сигварда Лунда. Журналисты из газеты СМК «Хувентуд ребельде» решили разузнать и рассказать читателям о шведском рабочем. Вот что пишет «Хувентуд ребельде»: «Лунд родился на севере Швеции в 1920 году. Стал металлургом высокой квалификации. В сорок лет ушел с завода, где проработал 25 лет, когда узнал, что хозяин отправляет продукцию в Южную Африку. «С этого момента мне показалось, что весь инструмент, с которым я работал, запятнан кровью: апартеид — это самое варварское и постыдное явление современной истории» — так он объяснил свой поступок. В поисках работы ему пришлось переехать в Стокгольм. Там он поступил на государственное предприятие, зарплата у него теперь стала гораздо ниже, но он не хотел иметь дела с частным капиталом. После ухода на пенсию он жил на свои сбережения в пансионате. После него осталось несколько книг — работы Маркса и Ленина, газеты, журнал общества дружбы с СССР. Сигвард Лунд ездил туристом в Советский Союз, в другие социалистические страны. Он любил повторять, что новое поколение, которое воспитывается при социализме,— надежда человеческого общества».

68 ЛЕТ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

СМОТРИТЕ!

Публикацию этих снимков, сделанных в Международный год молодежи, мы решили приурочить к 68-й годовщине Великого Октября, потому что в них штрихи реальной жизни молодежи социалистических стран, начало которой провозгласил человечеству исторический залп «Авроры» 25 октября 1917 года. Это жизнь свободного, созидательного, мирного труда молодых на благо общества, которое в странах социализма делает все, чтобы обеспечить молодому поколению активное участие в своих делах, всестороннее развитие творческих способностей в условиях прочного и всеобщего мира.

Снимки, запечатлевшие молодую крановщицу из города Ростока (ГДР), медсестер из варшавского роддома, кубинского крестьянина, текстильщиков Монголии, детей Болгарии, активистов охраны природы Чехословакии,— наглядная иллюстрация к тому, как в странах социализма осуществляется девиз Международного года молодежи: «Участие, развитие, мир».

Е. ЩЕРБАТЮК

«...РАБОТАТЬ ВОЗМОЖНО БОЛЬШЕ И ВОЗМОЖНО ЛУЧШЕ»

Генрих ВОЛКОВ

Портрет Фридриха Энгельса в 19 лет.

«К чему бы он ни прикасался, он все озарял светом». Так сказал об Энгельсе один из людей, долго его знавших.

В этом году двойная дата, связанная с этим великим человеком: он родился 28 ноября 1820 года и умер 90 лет назад. Любое время в этой необыкновенной жизни вызывает интерес в человеческом и научном отношении.

Но давайте остановимся на одной знаменательной дате, которую Энгельс ожидал с некоторой растерянностью: приближалось 28 ноября 1890 года. Как-никак 70 лет! Преклонный возраст. Что ждет его впереди: одиночество, старость, болезни?

Но когда подходишь к такой дате, оглядываешься и на пройденный путь. Что удалось совершить? Что было самым значительным?

Энгельс задумывается. Воспоминания выхватывают разные лица, события. Вот мрачное, со строгой складкой на лбу лицо отца — человека деспотичного, властного, преданного одной страсти — наживе: ведь он фабрикант. К тому же религиозный фанатик. Трудное было детство у будущего непреклонного борца со всякими фабрикантами, дельцами и святошами. С усмешкой Энгельс вспоминает, как сам мальчиком наивно верил во всевышнего, пел религиозные псалмы, а потом юношей «выдавливал» из себя каплю за каплей религиозный дурман, подвергал безжалостной критике библейские тексты.

Потом Энгельс вспомнил себя в роли молодого конторщика, не очень озабоченного коммерческими расчетами, а предпочитающего писать стихи, поэмы, литературные зарисовки весьма дерзкого содержания. Его статьи охотно печатали журналы либерального направления. В этих первых пробах пера уже проглядывали когти льва!

Вот он уже в Берлинском университете, куда убегает на лекции из солдатских казарм. Ему предстоит стать бомбардиром. Но пока он атакует лекции старого Шеллинга за мистицизм, которым тот наводнял философию. Ведь это предательство интересов подлинной науки!

Отец отправляет его в Лондон и Манчестер. Опять «проклятая коммерция», которую Энгельс ненавидит всеми фибрами души. Но все равно жизнерадостность неизменно сопутствует ему, он приучает себя не обращать внимания на свою скучную профессию и возмещать ее тяготы разными удовольствиями. Он влюбляется в простую рабочую девушку Мери Бернс, гуляет с ней по улицам города, заглядывает в кофейни, но и в трущобы бедняков, зорко и внимательно наблюдает их труд и быт.

Он обладает талантом все делать легко, весело, быстро. И скоро словно сама собой появится его знаменитая книга «Положение рабочего класса в Англии» — фундаментальное социологическое исследование, вынесшее смертный приговор миру эксплуатации и угнетения. Автору всего лишь 25 лет, а книга могла бы составить честь маститому профессору... Если бы, конечно, профессор обладал смелостью и темпераментом автора. Позднее Маркс использует эту книгу в своем «Капитале».

Маркс! Энгельс и сейчас ясно видит его, как тогда, во время встречи в Париже. Где же они встретились? Да-да, в кафе «Режанс». Вскоре легкий ледок в их разговоре растаял. Глаза Маркса возбужденно сверкали, когда Энгельс рассказывал, что пролетариат в Англии уже не забитый класс, а могучий борец, силы которого все нарастают. За ним будущее.

Энгельсу кажется, они не расставались десять дней подряд, беседуя и днем и ночью, устанавливая полное единство во взглядах. И тут же решили писать совместную книгу «Святое семейство», где закладывались основы нового мировоззрения.

Энгельс тогда просто влюбился в Маркса, увлекаясь его неистовостью, железной логикой и резкостью суждений. Да, это была встреча на всю жизнь. Они уже больше никогда не расставались надолго, а если расставались — писали друг другу письма чуть ли не каждый день. Он, Энгельс, и сейчас, в 70 лет, «без Маркса вместе с Марксом» завершает великое дело всей жизни друга — «Капитал».

Что еще вспоминается как самое яркое? Конечно же, революция 1848—1849 годов. «Новая рейнская газета». Славное, боевое было время! Газета

как революционный штаб, осажденный контрреволюцией. Статьи, которые Энгельс писал почти каждый день, были «подобны гранатам». Они разили вожаков контрреволюции наповал.

А вот он, Энгельс, уже на баррикадах Эльберсфельда. Со шпагой в руках, с красным шарфом через плечо — командующий артиллерией.

А долгие годы пребывания в Англии что-то и вспоминать не хочется. Борьба с претенциозными мелкобуржуазными вожаками эмиграции. Травля, которую те вели против Маркса. Беспросветная нужда в семье Маркса. А поэтому необходимость работать в конторе Манчестера, зарабатывать деньги, необходимые, чтобы помогать другу.

Все-таки были в тяжкие времена свои просветы. Это когда он приезжал в Лондон к Марксу и они пытались перещеголять друг друга в шутках и остротах, на которые были неистощимы, хохотали до слез и тем забавляли домашних. Возились с детьми, которые считали Энгельса вторым отцом.

И вот сейчас Энгельс накануне юбилея остался один. Недавно умерла Елена Демут, которая вела хозяйство в его доме,— сколько смертей, сколько похорон за последние годы. В одном из его писем прорывается отчаянье. Но наступило 28 ноября, и настроение Энгельса поднялось. Он получил множество писем и телеграмм. Поздравления со всех концов света, из всех стран. В том числе и от русских социал-демократов. Особенно порадовало его, что золингенцы прислали ему в подарок нож с надписью. Значит, помнят они о боевых днях 1849 года! Помнят молодого командующего артиллерией в Эльберсфельде.

«Словом, я был ошеломлен»,— сообщал он Лауре Лафарг. И далее описывал, как прошло празднество. Вечером собралась у него целая компания, просидела до половины четвертого утра.

«Как видишь, я сделал все, чтобы показать, что я еще жив и бодр.

И хорошо, что это было так. В конце концов, семидесятилетие празднуешь только один раз».

Энгельс действительно ошеломлен обрушившимся на него потоком поздравлений, приветствий, в которых отдавалось должное его заслугам. Социалисты всех стран буквально осыпали его почестями. Но он не привык к славе. Вот и сейчас, отвечая на поздравления, «скромница Энгельс» чувствует себя крайне неловко. Он понимает, что добрые слова в его адрес, конечно, произносятся искренне, но не принимает их на свой счет.

«Судьбе было угодно сделать так,— пишет он одному из адресатов,— что, пережив других, я пожинаю лавры за дела моих умерших современников и прежде всего Маркса. Поверьте, я не делаю себе никаких иллюзий относительно этого факта и той минимальной доли, которая в этом чествовании принадлежит мне лично».

В письме Лаврову, который поздравил его от имени русских социалистов, варьируется та же мысль: «Повторяется старая история. Львиная доля тех почестей, которыми меня засыпали в прошлую пятницу, принадлежит не мне, и никто не знает этого лучше меня. Разрешите мне поэтому почтить память Маркса большей частью тех похвал, которые Вы любезно адресовали мне и которые я могу принять лишь как продолжатель его дела. Что же касается той небольшой доли, которую я могу без хвастовства отнести на свой счет, то я приложу все силы к тому, чтобы быть достойным ее».

С оптимизмом смотрит Энгельс в будущее: «В конце концов, мы с Вами не так еще стары. У нас есть надежда жить и видеть. Мы видели подъем, величие и падение Бисмарка; почему же нам не увидеть после величия также и упадок (уже начавшийся) и окончательное падение величайшего врага всех нас — русского царизма?»

Да, впереди еще горы работы. Мы находимся, считает старый борец Энгельс, еще в самом разгаре борьбы. И нельзя слишком часто оглядываться назад, на павших друзей, когда враг перед нами. И он на страницах одной из газет торжественно обещает «провести остаток своей жизни в активном служении пролетариату так, чтобы хотя бы в дальнейшем стать по возможности достойным оказанных... почестей».

Он снова чувствует себя «на коне». Да и окружающие поражаются его бодрости, энергии, жизнерадостности.

Дочь Маркса Элеонора написала к юбилею Энгельса статью, где набросала его портрет. Она удивляется, как легко он несет бремя своих лет. Он попрежнему строен и при своих 182 сантиметрах роста не кажется таким уж высоким. Он носит окладистую бороду, «которая растет как-то странно, вкось, и теперь начинает седеть. Зато его каштановые волосы на голове — без единой сединки».

«Но если по внешности Энгельс выглядит молодым, внутренне он еще моложе, чем выглядит. Он — поистине самый молодой человек из всех, кого я знаю. И насколько мне помнится, за последние двадцать тяжелых лет он не постарел».

Элеонора вспоминает, как она ездила с Энгельсом в 1860 году в Ирландию, а почти через десять лет в Америку. И Энгельс был все тот же, всюду вносил оживление, был душой каждой компании, каждой группы, в которой находился.

На борту парохода, следующего в Нью-Йорк, он, какой бы суровой ни была погода, всегда был готов прогуляться по палубе. Он, как юноша, никогда не обходил встречавшиеся на пути препятствия, а перескакивал или перелезал через них. Забавно, в самом деле, представить себе шестидесятилетнего Энгельса перескакивающим через скамейки!

Элеонора отмечает черту характера, которая в равной мере была присуща и Марксу и Энгельсу.

Маркса принято почему-то изображать язвительным Юпитером, всегда готовым метать громы и молнии как на друзей, так и на врагов. Но если ктолибо хоть один-единственный раз заглянул в его прекрасные карие глаза, такие проницательные и в то же время такие мягкие, полные юмора и доброты, кто когда-нибудь слышал его заразительный и радующий душу смех, тот знает, что саркастический, холодный Юпитер лишь плод чистой фантазии.

Таков же и Энгельс, утверждает дочь Маркса, хотя находятся люди, которые изображают его каким-то диктатором, язвительным и придирчивым критиком.

Она пишет далее о его неисчерпаемой доброте, его абсолютной самоотверженности. Не раз его собственные работы отодвигались на задний план из-за того, что он приходил на помощь какому-либо новичку.

О тех временах, когда был жив Маркс, сам Энгельс говорил: «Я играл вторую скрипку — и думаю, что делал свое дело довольно сносно. Я рад был, что у меня такая великолепная первая скрипка, как Маркс». Теперь, замечает Элеонора, Энгельс дирижирует оркестром, и он все так же скромен, непритязателен и прост, как если бы, по его выражению, он «играл вторую скрипку».

Читая эту статью о себе самом, Энгельс смущенно ворчит: «выше всякой меры расхвалила меня». Ну, Тусси за это попадет. «Верно только то, что борода у меня курьезно обращена в одну сторону...»

Присущую ему рейнскую жизнерадостность Энгельс не терял до конца жизни. В его доме часто собиралось поистине интернациональное братство. Тут звучали голоса на немецком, английском, французском, русском, итальянском. Часто пелись песни, причем Энгельс нередко запевал сам.

Разговор велся не только о политике. Всегда жизнерадостный Энгельс обладал изумительной памятью на всякие мелкие эпизоды и комические ситуации своей жизни, охотно живописал некоторые «буйные юношеские проказы». Он любил забавлять этими воспоминаниями собравшихся. Раньше двух-трех часов утра никто не покидал его гостеприимного дома.

А утром ежедневно Энгельс был уже готов к самой напряженной и углубленной работе. Он не давал себе послабления ни на один день.

В доме Энгельса как большое событие отмечали выборы в парламент Германии. Хозяин дома, облачившись в передник, готовил специальный ужин, приглашая самых близких друзей. Из всех частей Германии до поздней ночи прибывали телеграммы. «Генерал» вскрывал каждую телеграмму и оглашал ее содержание.

Было бы ошибочным, однако, представлять себе Энгельса этаким добреньким старичком. Как это свойственно людям, умеющим глубоко любить, он умел и глубоко ненавидеть. Време-

нами, когда в партии делалось что-нибудь, по его мнению, неправильно, он выходил из себя от возмущения. Но обычно этот гнев шел на пользу делу.

Тесные связи установил Энгельс с русскими революционерами. В его доме бывали Плеханов, Засулич, покушавшаяся на петербургского градоначальника Трепова, Степняк-Кравчинский, убивший шефа жандармов Мезенцева, Лопатин, пытавшийся организовать побег из ссылки Чернышевскому.

С русскими посетителями Энгельс разговаривал по-русски и любил на память цитировать русских писателей. Так, он мог целыми страницами декламировать «Евгения Онегина» Пушкина.

Новый, 1895 год «Генерал» встретил, как всегда, весело, в кругу друзей и соратников. Он был полон энергии и творческих планов. Отвечая на новогодние поздравления, он писал своему старому партийному товарищу Паулю Штумпфу, что у него есть одно желание: «заглянуть в новое столетие». Увы, эта встреча Нового года оказалась последней в жизни Энгельса.

И все же мечта его сбылась. В новое столетие ему удалось не только «заглянуть», но и прозорливо увидеть многое из того, чему свидетелями стали мы, живущие в XX веке.

Приближающаяся смена столетий давала повод для многочисленных прогнозов и пророчеств. В большинстве своем они были радужными. Было похоже, что машины, пар, электричество скоро решат все социальные проблемы.

В конце 1894 года в России умер царь. Как это обычно бывает, смерть самодержца и восшествие на престол наследника породили в определенных кругах большие надежды. На смену деспоту Александру III пришел мягкий по характеру, покладистый и, как казалось, либеральный Николай II. Верилось, что время Победоносцева, простершего «совиные крыла» над Россией, кончилось. «Жестокий» и «железный» XIX век был на исходе.

Кто мог тогда предвидеть готовившуюся кровавую бойню — первую мировую войну — и невиданные революционные встряски «родовых мук» новой цивилизации на земле? Кто мог предвидеть смертельную схватку Германии с Россией, смертельную и для династии Романовых, и для династии Гогенцоллернов?

Такой человек был.

10 ноября 1894 года Фридрих Энгельс, получив в Лондоне известие о смерти Александра III, пишет Фридриху Зорге: «...Смерть русского царя, вероятно, повлечет за собой перемену либо в результате движения внутри страны, либо из-за финансовой нужды и невозможности получить деньги за границей. Не могу себе представить, чтобы теперешняя система пережила смену монарха... Но если заварится каша в России, то и молодому Вильгельму (Вильгельму II — императору Германии.— Ред.) доведется увидеть коечто новое. Тогда над всей Европой повеет либеральный ветер...»

Через два дня в письме к Лауре Лафарг Энгельс высказывается насчет Николая II еще определеннее: «Он почти идиот, слаб духом и телом и обещает как раз то неустойчивое царствование человека, который будет простой игрушкой в руках людей с их взаимопротиворечащими интригами, а это и нужно, чтобы окончательно уничтожить российский деспотический строй».

Какая удивительно точная и прозорливая характеристика последнего русского царя и ожидающей его плачевной судьбы! Первые месяцы правления Николая лишь утверждали Энгельса в его первоначальном мнении. Все крепнет и крепнет его убеждение в приближающейся российской революции. «А уж если дьявол революции,— пишет он Плеханову,— схватил кого-либо за шиворот, так это Николая II». Наконец, за несколько месяцев до смерти он замечает иронически в одном из писем, что «в России маленький Николай поработал на нас, сделав революцию абсолютно неизбежной».

Конечно, в своих прогнозах Энгельс исходил главным образом не из личных качеств российского или немецкого императоров, а из глубокого анализа экономического положения в Европе, развития противоречий между Россией и Францией, с одной стороны, Германией и Англией — с другой. Этот анализ приводил его к выводу о неизбежности мирового конфликта и невозможности локализовать будущую войну. Поразительно, что он даже предвидел место вспышки мирового пожара: на Балканах! За двадцать лет до этой вспышки он писал Августу Бебелю: «Но грядущую войну, коль скоро она начнется, никоим образом не удастся локализовать, державы — по крайней мере континентальные — будут вовлечены в нее в первые же месяцы, на Балканах война вспыхнет сама собой, и разве только Англия сможет некоторое время сохранять нейтралитет».

Внимательно следя за бурным развитием капиталистических отношений в России, Энгельс к концу жизни уже определенно давал понять, что надежды народников об особом пути России к социализму через крестьянскую общину, минуя капитализм, становятся явно несбыточными.

России предстоит пройти все тяготы капиталистического развития. Причем отсталость России и сохранение феодальных реликтов лишь ужесточат этот процесс, потрясение, произведенное быстрым экономическим переворотом в стране с многочисленным крестьянским населением, может оказаться гораздо более сильным и острым, чем где бы то ни было. «...история, пожалуй, самая жестокая из всех богинь (эти слова написаны по-русски.— Ред.), влекущая свою триумфальную колесницу через горы трупов не только во время войны, но и в периоды «мирного» экономического развития».

Энгельс, как и Маркс, в последующие годы жизни был убежден в том, что Россия чревата «событиями величайшего значения для будущего не только русских рабочих, но и рабочих всей Европы». Развивающееся революционное движение в России, считали они, должно будет неизбежно привести «после длительной и жестокой борьбы к созданию российской Коммуны». По словам Энгельса, грядущий революционный переворот в России будет «ближайшим поворотным пунктом во всемирной истории».

Прозорливо анализировал он и ход экономических событий в капиталистическом мире.

Но время делало свое недоброе дело. В январе 1895 года Энгельс с печальным юмором писал своему брату Герману: «В заключение могу сообщить тебе приятное известие, что я наконец стал стариком... Былого легкомыслия я себе больше позволить не могу. А когда увеличивающаяся лысина все более презрительно смотрит на тебя из зеркала, то ты уже не можешь не признать того, что 74 и 47 — совсем разные вещи. Я очень ограничиваю себя в еде и питье, и приходится также мириться со всякими непривычными для меня мерами предосторожности от простуды. Что ж, ничего не поделаешь, но хорошее настроение меня из-за этого не покидает».

У него еще столько нереализованных планов. Третий том «Капитала» готов, но осталась огромная рукопись, в которой Маркс подвергал обстоятельной критике буржуазных экономистов. Она должна бы составить четвертый том. Хватит ли времени, чтобы подготовить ее к печати? Затем — биография Маркса. Собственная рукопись «Диалектика природы». Хорошо бы также собрать и подготовить к печати ранние работы Маркса и свои. Они, как заметил Энгельс в одном из писем, «представляют величайшую ценность».

Лауре Лафарг он сообщает: «Мое положение таково: 74 года, которые я начинаю чувствовать, и столько работы, что ее хватило бы на двух сорокалетних. Да, если бы я мог разделить самого себя на Ф. Энгельса 40 лет и Ф. Энгельса 34 лет, что вместе составило бы как раз 74 года, то все быстро пришло бы в порядок. Но при существующих обстоятельствах все, что я могу, это продолжать свою теперешнюю работу и работать возможно больше и возможно лучше».

5 августа 1895 года его сердце остановилось.

В далекой России молодой Ленин отозвался на смерть Энгельса статьей с эпиграфом из стихотворения Некрасова:

Какой светильник разума угас,
Какое сердце биться перестало!

В одном из писем В. И. Ленина есть проникновенные слова: «Я все еще «влюблен» в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это — настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить».

40 ЛЕТ ВСЕМИРНОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ЗАЩИЩАЯ БУДУЩЕЕ

ВФДМ. За этими четырьмя буквами — огромный мир, полный жизни, движения, горения, противоборства. 250 организаций из 115 стран — самые прогрессивные и активные силы земли, молодость и надежду планеты объединяет Всемирная федерация демократической молодежи.

40 лет ВФДМ — это 40 лет борьбы молодежи за будущее, за мир, за свои права. Напряженной, часто связанной со смертельным риском, не прекращающейся ни на мгновение борьбы. У ВФДМ есть свои герои, подвиги, свершения, победы. И мы хотели бы рассказать, читатель, о ее буднях, о том, чем и как живет прогрессивная молодежь в самых разных странах мира, ведь именно из многих и многих усилий, порой незаметных в огромных масштабах ВФДМ, складываются ее победы, авторитет, ее судьба.

ЗАПАДНЫЙ БЕРЛИН

Ганс Питер ПОКРАДТ, Социалистический союз молодежи Карла Либкнехта: «У нас в городе стоит Колонна победы, построенная в ознаменование поражения Франции в 1871 году [1] — реакционный памятник. Высота около восьмидесяти метров. Мы изготовили три транспаранта, положили их в сумки и полезли наверх. Там мы закрепили транспаранты — их увидел весь город: прекратить гонку вооружений! Убрать американские ракеты из Европы!

Колонну уже окружила полиция. Нас, конечно, арестовали и повезли в участок. В дороге нам запретили разговаривать, потом развели по разным камерам, допрашивали тоже по отдельности. Они хотели знать, кто организовал «это преступление». Мы отказались отвечать.

Через несколько дней меня вывели из камеры и посадили в фургон, где уже ждали шесть-семь мрачных полицейских. Мы долго ехали, и я гадал, что все это значит. Фургон остановился на ок-

---

Франко-прусская война 1870—1871 годов.— Здесь и далее примеч. ред.

раине. Мне приказали выйти и идти не оборачиваясь. Я шел, не зная, чего ждать от этих блюстителей порядка. Вдруг я услышал, как заработал двигатель — полицейские уехали. Потом четыре часа я добирался домой. С остальными товарищами проделали то же самое.

Я люблю бывать в том, другом Берлине. Там я чувствую себя в безопасности. Отдыхаю. Я могу заговорить с любым, это очень легко. В Западном Берлине человек противопоставляет себя всем остальным, в ГДР все вместе.

То же в Советском Союзе, впервые я приехал к вам с «поездом дружбы». Нас встречали хлебом и солью. Мы побывали в школах, на заводах, мы могли задать любой вопрос и дискутировать ночи напролет, не помню, чтобы я спал.

Прием поразил меня. Ведь мы приехали из города, откуда началась вторая мировая война. Но нам говорили: «Давайте вместе будем бороться против новой войны!» Эта поездка укрепила мою надежду — мы еще будем жить в мирном и взаимопонимающем мире».

ГОНДУРАС

Представитель молодежной секции Коммунистической партии Гондураса (по соображениям безопасности имя не указывается): «Все началось с фабрики. Когда погибли родители (мне нельзя про это рассказывать), в тринадцать лет я пошла на фабрику, где шили нижнее мужское белье. Работа начиналась в пять утра и заканчивалась в десять вечера, в десять утра — пять минут на завтрак, в полдень — пятнадцать минут на обед.

Меня избрали в комитет фабричного профсоюза: в отличие от многих у меня были знания за среднюю школу, я читала книги и немного разбиралась в законах. Хозяин пробовал меня подкупить: предложил большие деньги на условиях, что я не буду участвовать в работе профсоюза. В чем была эта работа? Приведу примеры. Молодую женщину на седьмом месяце беременности хозяин, чтобы не платить пособие, обвинил в воровстве. Женщина оказалась в тюрьме. Нам удалось доказать ее невиновность, ее выпустили, но пособие хозяин все равно не заплатил.

На наши собрания под видом рабочих, сочувствующих нам, проникали полицейские агенты, они фиксировали, кто что говорит. Потом по дороге домой кого-нибудь из активистов похищали или избивали тут же. Но никто не вышел из профсоюза.

Нам удалось добиться небольшой прибавки к оплате. В ответ хозяин создал свой, параллельный профсоюз из таких же работниц, как мы, им он платил больше, и они боялись слово против него сказать. Это же несчастные, запуганные женщины. Моя подруга, ровесница, пошла в хозяйский профсоюз, плакала, а пошла ради детей. У нее их двое, совсем маленьких. Так она стала нашим врагом. Во время забастовки, которую мы организовали в ответ на увольнение наших активисток, женщины-штрейкбрехеры кричали, что из-за нас у них голодают дети... Закончилось все тем, что хозяин закрыл фабрику. Как ни мало он нам платил, а конкурировать с американцами (у них в Гондурасе целые концерны) не мог. Мы все оказались за воротами. И те, что служили хозяину, тоже.

Полиция установила за мной постоянное наблюдение. Около дома крутились агенты. В квартире провели обыск. Моего друга агенты полиции задержали у подъезда. Они сказали: если он придет еще раз, его ждет тюрьма, а все знают — это пытки. Мы понимали, угроза полицейских — не пустые слова, но, конечно, продолжали встречаться. Эти жалкие люди построили жизнь на страхе и насилии и не могут понять, что есть на свете сила гораздо большая — стремление человека к любви и справедливости».

ПОРТУГАЛИЯ

Мария Тереза ПЕРЕЙРА: «Коммунисткой» меня зовут с детства, хотя я и сейчас не являюсь членом партии: еще не выросла. Я, что называется, «симпатизирую» Союзу коммунистической молодежи Португалии (СКМ), то есть принимаю участие в его деятельности. Стоишь у входа в метро, раздаешь листовки с призывом на митинг против безработицы, и вдруг появляются эти подонки: в черных рубашках, с велосипедными цепями и обрезками труб, для устрашения на головы натянуты чулки, на всех широкие пояса с буквой S (от Салазар — глава правительства Португалии в 1932—1968 годах, основатель фашистской партии, также создал фашистскую организацию «Португальская молодежь» по примеру гитлерюгенда, S — эмблема организации.—*Ред.*). Я ныряю в толпу, потому что эти садисты могут убить. Но если я не одна — попробуй подойди. Тогда они не суются, они нападают, когда человек беззащитен.

Был такой случай. Я возвращалась из школы одна. В конце улицы было темное, пустынное место, там я их увидела. Им хотелось меня напугать и помучить: они кружили вокруг на мотоциклах, наезжали, пихали, я отбивалась и даже чуть не вырвалась. Потом мотоциклы с грохотом исчезли, я была вся в синяках, руку мне сломали, повредили глаз, и долгое время я им не видела.

С тех пор на меня ни разу не нападали. Потом, когда я уже закончила школу, отец рассказал, что присматривать за мной вызвался рабочий с судоверфи. Я его никогда не замечала, но он провожал меня в школу и домой, не раз спасал мне жизнь.

Недавно я участвовала в огромной, яркой манифестации: молодежь оделась в белые саваны, дети несли голубей мира. Мы шли по центральным улицам. Много-много самых разных людей и организаций, требующих положить конец ядерной угрозе.

Каждый раз, когда я вижу, как нас много, я утверждаюсь в надежде — мы защитим жизнь».

ИРЛАНДИЯ

Мэри МЭННИНГ: «Мы работали продавщицами в универмаге на Генри-стрит. Это в самом центре Дублина».

Мишель ГЭЙВИН: «Первой бойкот начала Мэри. Она у нас самая бойкая. Мэри напросилась на прием к управляющему универмагом Бену Данну и сказала, что мы отказываемся продавать товары из ЮАР. Управляющий решил дело просто: уволил Мэри как «зачинщицу беспорядков».

Мэри: «Десять служащих универмага поддержали меня и отказались встать за прилавок с товарами из страны апартеида. Мы выставили на Генри-стрит перед входом в универмаг пикеты с транспарантами, разъясняющими, почему мы бастуем. Нашей целью было привлечь внимание общественности к бойкоту и напугать хозяев универмагов и супермаркетов Дублина. И получилось так, что многие из них отказались от новых закупок южноафриканских товаров и постарались побыстрее сбыть уже купленные».

Мишель: «Африканский национальный конгресс опубликовал обращение, в котором говорилось: «Мы приветствуем принципиальную высоконравственную позицию Мэри Мэннинг и ее друзей по борьбе с апартеидом в Южной Африке». А специальный комитет ООН по апартеиду принял резолюцию, в которой выразил солидарность с нашей борьбой».

Мэри: «Мы поклялись, что не выйдем на работу до тех пор, пока юаровские товары не исчезнут с прилавков магазина».

Мишель: «Мы хотим хоть как-то помочь нашим сверстникам из Южной Африки в их борьбе за справедливость».

ИЗРАИЛЬ

Элиаху ГОЖАНСКИ: «Мне 23 года. Я студент факультета математики и физики Иерусалимского университета. Я из семьи коммунистов. В университете каждый год избирается студенческий совет. 4 места из 24 все годы получаем мы, коммунисты. Хотя нас немного, нам удается объединять учащихся разных политических взглядов на выступления против реакционеров. Вот пример. Весной этого года университетские власти пригласили к нам для чтения цикла лекций некоего Пьера Язбака, представителя ливанских фалангистов в Израиле. Именно Язбак командовал группой фалангистов, которая участвовала в массовой резне в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила в сентябре 1982 года. Мы решили не дать ему и рта открыть. На транспарантах, которые мы пронесли в аудиторию, было написано на иврите и на арабском: «Фашист Язбак, вон из Израиля!» Студенческая аудитория, состоявшая из еврейских и арабских студентов, громко зашикала, все стали кричать, топать, хлопать в ладоши, улюлюкать... В общем, мы сорвали выступление этого фашиста.

Администрация университета вызвала полицию. Она

всегда так поступает, когда предчувствует «беспорядки». Полицейские оцепили зал. Выпускали по одному. И вот тут-то выяснилось, что университетские власти пытаются — в очередной раз! — посеять рознь между еврейскими и арабскими студентами. Поясню как: у студентов-евреев студенческую карточку не отбирали, а лишь записывали в тетрадку их фамилии, у студентов-арабов студенческую карточку отбирали. Понимаете, что это означало? Это означало, что арабские студенты впредь не допускаются к занятиям и не будут допущены к экзаменационной сессии. Короче говоря, их изгоняли из университета. Надо ли говорить — мы не могли смириться с таким беззаконием. Организовали сидячую забастовку в аудиториях. Университетские власти были вынуждены пойти на переговоры. Это уже успех! Ректорат в этот раз уступил: студентам-арабам вернули студенческие карточки, и они вместе с нами сдавали летнюю сессию этого года.

А вот еще одна наша акция солидарности. Вблизи Хеброна на оккупированной территории расположен палестинский лагерь «Эль-Пелтейше». Палестинцы живут там хуже, чем узники нацистских концлагерей. Жуткая скученность, антисанитария, издевательства местных властей... Лагерь окружен огромной каменной стеной с колючей проволокой, через которую пропущен электрический ток.

Студенты университетов Израиля — Иерусалимского, Хайфского, Тель-Авивского — окружили этот лагерь плотным кольцом пикетов. На транспарантах надписи: «Мы не фашисты!», «Свободу палестинским узникам!», «Арабы — наши братья!»... Мы хором пели песни, и арабские и еврейские. Местные власти вызвали усиленные наряды полиции. Тогда на площадке перед входом в лагерь мы легли навзничь. Пока наше требование об освобождении палестинцев из лагеря «Эль-Пелтейше» не будет удовлетворено, мы не двинемся с места, решили мы. Полицейские по одному отрывали нас от цепи лежавших и, схватив за руки и ноги, забрасывали, как мешки, в свои грузовики. Потом отвезли в Бетлехем и посадили в камеры полицейского участка вместе с уголовниками. Родственникам удалось вызволить нас под залог. Пока лагерь в «Эль-Пелтейше» существует. Но битва за справедливость еще не проиграна. Одну победу, пускай маленькую, мы все же одержали. О студенческом «лежачем» пикете сообщили буржуазные газеты Израиля. Стена молчания пробита. О нашей борьбе, о наших целях узнали многие. А это уже, несомненно, успех».

ЛИВАН

Халиф ГАЗИ: «Я вступил в ряды Прогрессивной молодежной организации Ливана (ПМО), потому что не мог видеть, как гибнет моя родина, и стоять в стороне от борьбы за ее спасение. Что привлекает меня в нашей организации? Прежде всего то, что она объединяет всех ливанцев, вне зависимости от религиозных верований. Цели ее просты и понятны для всех: подлинное национальное согласие и окончательное избавление от оккупантов.

Активисты ПМО часто выезжают на юг страны. Там воочию убеждаешься, насколько чудовищна и антигуманна политика Израиля: это произвол, беззаконие, жестокость... Я сам видел, как в селении Биффи израильский полицейский застрелил беззащитного старого крестьянина, как в Эль-Халиле израильские стражи порядка избили палестинца только за то, что он палестинец. В городе Хальхуле солдаты заставили людей за мелкую провинность ползать на четвереньках и лаять...

Мы призываем людей к борьбе с оккупантами и их пособниками из «армии Южного Ливана». Мы учим детей грамоте и арифметике — ведь наши школы разрушены. Мы оказываем врачебную помощь — ведь наши больницы сровнены с землей израильскими бульдозерами.

Мне 35 лет. У нас в Ливане этот возраст считается для мужчин предельным для вступления в брак. Дома меня ждет невеста. Счастье для нас возможно только тогда, когда мы наведем порядок в собственном доме: покончим с раздорами, придем к национальному согласию и сообща избавимся от ненавистных оккупантов».

ПАРАГВАЙ

«К сожалению, сегодня я не могу назвать ни своего имени, ни фамилии. Моя жена и я провели 13 лет в застенках диктатора Стресснера, и наша судьба не исключение. 150 тысяч граждан из всех социальных слоев прошли через тюрьмы. Невозможно точно определить, сколько людей погибло под пытками, пропало при похищениях, убийствах и карательных рейдах. Против индейцев — морос, аче, ава — ежегодно устраиваются карательные экспедиции. Коренные жители страны согнаны в резервации, которые напоминают нацистские концентрационные лагеря.

Казалось бы, ничто не может поколебать прочность режима «верховного вождя». На страже «порядка» стоит до зубов вооруженная полиция, обученная бывшими нацистскими военными преступниками, целая армия осведомителей подслушивает и подглядывает за каждым гражданином Парагвая. А Адольфо Стресснер вкладывает свои капиталы в игорный бизнес, добычу золота и алмазов в Южной Африке, скупает земли по всей Латинской Америке. К чему бы это? Дон Адольфо с каждым годом ощущает все большее беспокойство. Тирана одолела бессонница, он никогда не ночует две ночи подряд в одном месте. Адольфо Стресснер часто совершает неожиданные инспекционные поездки (по столице и за ее пределами), маршрут и назначение которых неизвестны. Он страшится гнева народа».

ДАНИЯ

Ева ХОЙРУП: «Я участвую в работе лиги помощи развивающимся странам. Летом во время каникул мы (несколько гимназистов) наняли малолитражный автобус и отправились по городам и поселкам собирать средства. В группе было несколько музыкантов, мы устраивали прямо на улицах рок-представления. Другие участники нашей группы рассказывали о жизни и борьбе народов Никарагуа и Сальвадора. Видимо, нам удалось найти дорогу к сердцам людей. Мы собрали 150 тысяч крон! Этих денег хватило на постройку двух школ — одной в Никарагуа, другой в освобожденных районах Сальвадора».

США

Джон КОЛЛЕР: «Мне 27 лет, я учусь в Лос-Анджелесском государственном университете на факультете истории. Наша студенческая организация является членом коалиции за свободную Южную Африку, в которую входят многие университеты страны. Как-то мы разузнали, что руководство колледжа собирается заключить контракт на 34 миллиона долларов с одной из фирм ЮАР. В знак протеста мы устроили сидячую забастовку. Все участвовавшие в акции протеста против апартеида в ЮАР собрались в кафетерии университета, нас поддержали некоторые преподаватели и сотрудники. Кое-кто из них даже принял участие в забастовке. Мы провели в кафетерии несколько дней, принесли с собой кофе, чай, хлеб, банки с консервированными бобами. У нас было немного денег, которые мы выручили от распространения самодельных значков против апартеида. Благотворительные организации, выступающие против апартеида, привезли бесплатно немного провизии. Видя, что мы готовы продолжать забастовку до победы, администрация заявила — выполнение контракта с Южной Африкой временно приостановлено. Конечно, это не полная победа, но все же мы им доказали, что не намерены поддерживать хотя бы просто пассивным молчанием сотрудничество с ЮАР».

Записали В. СИМОНОВ, Я. БОРОВОЙ

Советский Союз... рассматривает охрану и оздоровление окружающей среды как важнейшее направление внутренней и внешней политики.

Из постановления Верховного Совета СССР «О соблюдении требований законодательства об охране природы и рациональном использовании ресурсов»

ЗЕМЛЯНЕ

М. ШИШКИН,
Л. ОГАРЕВ (фото)

И опять дождь, каждый день дождь, не лето, а всемирный потоп. Сухо только под навесом, на сене. От дождя запах свежего сена кажется еще пронзительней. Свежеподстриженный газон нежен, как затылок первоклассника.

Элоиса тихонько поет, закрыв глаза и положив голову на колени. Наверно, сейчас она дома, в далекой деревне с красивым названием Санго Доминго.

Аурора гадает на листьях акации, то и дело справляясь с бумажкой на коленях — любит, не любит...

Онелия разгадывает кроссворд из «Вечерки». Морщит лоб, копается в словарях, которые всюду таскает с собой в карманах стройотрядовской куртки. Потом улыбается — «столица первого социалистического государства в Западном полушарии».

Володя Вишняков, отмахиваясь от настырного комара, мечтательно потягивает:

— Сейчас бы на Черное море, позагорать. Хорошо вам, кубинкам, у вас на всю жизнь загар.— И закатывает рукав. Барбара, приставив свой смуглый локоть к руке москвича, хохочет.

Дождь превращается в белый плотный ливень, и за ним исчезают дальние деревья, будто кто-то их стирает резинкой с листа бумаги.

Магалис, Онелия, Анида, Аурора, Лариса, Барбара, Элоиса и Ада поехали в стройотряд на метро. Со станции «Университет» на «Фрунзенскую».

Отряды МГУ «Глобус» и «Земляне» разместились в здании районного Дома пионеров.

Комната кубинок на третьем этаже. Самый обыкновенный класс. Раскладушки и никаких мебельных излишеств. На школьной доске рядком висят на плечиках платья. Цветы в литровых банках, или эти платья, покрывшие черную доску вместо формул, или что-то еще, неуловимое — запах? — создают особый, стройотрядовский девчачий уют.

На стене большой плакат. Че Гевара. Рука сжала приклад автоматической винтовки. Рядом детские рисунки — яркой густой гуашью по ватману. Здесь была изостудия. Солнечный карнавал. Маленький якут танцует с мальчиком в сомбреро, негритенок — с индейцем и горцем в кепке «аэродром».

Из-под раскладушки выглядывают туфельки.

— Это вы корреспондент? Кубинки просили их извинить, они сегодня задержатся. То все дожди, а тут второй день солнце. Вот они и решили — после ужина остаться работать.

Магалис Соса ГОНСАЛЕС: «Я и мои подруги, мы изучаем политэкономию. Из всех наук, мне так кажется, политэкономия самая важная. Люди занимаются наукой, чтобы узнать, как устроен мир. Политэкономия же помогает понять, как устроено человеческое общество. Каждый день в мире происходят тысячи событий, больших и маленьких, счастливых и страшных. Строятся новые города, встречаются политики, идут войны. Без политэкономии человек как слепой. Без моей науки невозможно по-настоящему понять, почему в мире все так, а не иначе, почему были рабы, почему были мировые войны, почему империализм, почему социализм, почему идет в мире борьба? Моя наука — это ключ к пониманию прошлого, настоящего и будущего. Она не только объясняет жизнь вокруг нас, но и говорит, какой она должна быть. Я изучаю политэкономию, чтобы правильно прожить мою жизнь. Обидно прожить жизнь просто так. Каждый год, каждый день бесценен и невозвратим, и нужно истратить свои силы на что-то большое. Моя наука дает мне цель в жизни. Мы строим новую Кубу. Мне двадцать один год. Когда я родилась, Кубу еще только недавно перестали называть «амери-

канской сахарницей». Теперь Кубе нужны свои ученые, поэтому я хочу заниматься наукой. Мне уже двадцать один год, а я еще ничего не сделала. Расхожий образ ученого — седой старичок. Это неправда. Эйнштейн в 26 лет — автор теории относительности. Уотсон в 25 — один из авторов расшифровки генетического кода. И так далее. Я боюсь не успеть. Потому что бывает, что, прожив долгую жизнь в науке, человек так и не находит себя. Это бывает и с очень способными, талантливыми людьми, которые просто теряли время. Иногда из-за объективных причин, но чаще из-за собственной инертности. Из-за того, что была забыта или недооценивалась одна из самых очевидных и самых жестоких истин — время необратимо. Если хочешь что-то успеть сделать в жизни, нельзя откладывать, нужно делать уже сейчас. Пока мы молоды и познаем мир. Сейчас самое время. И больше всего на свете я боюсь не успеть».

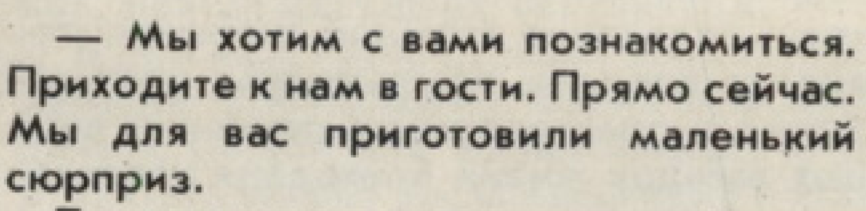
На втором этаже поселился отряд из Новосибирска.

Через день в комнату к кубинкам постучали. За окном опять шел бесконечный дождь, девушки лежали на раскладушках и мечтали о кубинском солнце или хотя бы о горячих батареях, как зимой, чтобы можно было греть на них руки.

Вошли двое. Парень поправил очки, помялся.

— Мы к вам делегация.

Девушка забросила толстую косу за спину и храбро шагнула вперед.

— Мы хотим с вами познакомиться. Приходите к нам в гости. Прямо сейчас. Мы для вас приготовили маленький сюрприз.

Повскакивали с раскладушек. Зеркало на всех одно — суета, смех, толкотня. С пустыми руками в гости неудобно — набрали открыток. Посовещались и осторожно сняли со стены плакат с Че.

Спустились. Вошли в комнату, от смущения подталкивая друг друга вперед.

Встретили их оркестром из гитары, балалайки и губной гармошки. Специально разучили «Гуантанамеру». Соединили школьные столы. Вместо скатерти раскатали рулон ватмана. Чтобы не ерзал, пришпилили к столу кнопками.

В большой кастрюле что-то дымилось.

— Это пельмени.

— ?

— Пель-ме-ни!

Кто-то показал большой палец, мол, наши пельмени, сибирские, пальчики оближете.

Потом пели под гитару.

— А как будет гитара по-испански? Так и будет — гитара? А песня? А мир? А девушка? А дружба? А пельмени?

Потом гитару взяла Элоиса, и кубинки стали показывать, как танцуют самбу. Потом стали учиться танцевать русскую.

— На носок, на пятку, на носок, на пятку. Здорово получается! Нет-нет, вприсядку только мальчики!

Вечером все вместе пошли гулять. Дождь только что кончился. Перепрыгивали через лужи. Кто-нибудь каждый раз дергал за ветки, и с деревьев — в хохот и визг — обрушивался водопад.

Барбара Карденас ЛОПЕС: «Я счастлива, что приехала к вам учиться. Сейчас попытаюсь объяснить почему. Когда я узнала, что буду учиться в Москве, я прибежала домой и сказала родителям, что поеду в страну Ленина. Для меня это было главным, понимаете? Я хотела узнать народ, который дал миру этого человека. Я очень много знала о Советском Союзе из книг, фильмов, но для меня очень важно было увидеть, убедиться самой. Я знала, что Советский Союз — страна необыкновенная. И значит, люди здесь тоже должны быть какими-то необыкновенными. Так я тогда думала. Так всегда бывает, когда у тебя есть о чем-то только представление, а потом ты встречаешься с этим в жизни. И в жизни все оказывается не так, ведь, представляя себе что-то, мечтая, мы упрощаем, а жизнь намного сложней. И вот самое главное, что я здесь узнала, что ваши люди — самые обыкновенные. И я нисколько не разочаровалась. Наоборот. Если необыкновенные люди делают что-то необыкновенное, то в этом нет ничего удивительного. В том-то все и дело, что те, кто впервые в истории уничтожил эксплуатацию человека человеком, кто превратил отсталую Россию в страну самой передовой науки и культуры, те, на кого равняются и смотрят с надеждой во всем мире, самые обыкновенные люди. И именно поэтому — необыкновенные. Разве наш преподаватель математики на подготовительном факультете Иван Петрович (мы думали, что Петрович — это фамилия, и поэтому его фамилию я и не знаю) — обыкновенный? Прежде всего он замечательный педагог, у него ты не только научишься математике, но полюбишь ее. Он всегда видит, когда нам трудно, и готов сидеть с нами хоть допоздна. И дело не только в математике. Еще в самом начале у нас в комнате общежития испортился выключатель. Мы ему

об этом сказали. Просто так, ничего не имея в виду. Просто он спросил, как дела, и мы сказали ему про выключатель. В тот же вечер он пришел к нам в общежитие и все починил. А за инструментами он специально ездил домой, на другой конец Москвы. А я даже не знаю его фамилии. Просто Иван Петрович. Девятого мая, в день сорокалетия Победы, мы пошли в парк культуры смотреть на ветеранов. И они тоже обыкновенные, просто старые люди, седые, в морщинах, с палочками. Каждый день я вижу их на улицах, в метро. И вот эти простые люди победили в самой страшной войне, освободили от фашизма все человечество. Ведь это под силу только необыкновенным. Играл духовой оркестр, и они танцевали танцы их молодости. Но это был не только их праздник — это был праздник всех, и наш тоже. Мы фотографировались с ними, и эти фотографии я повезу домой и вклею в наш семейный альбом. И еще я туда вклею фотографию тети Барьи. Мы работаем с ней вместе — она учит нас ухаживать за цветами. Она тоже самая обыкновенная. Но она так спрашивает нас о доме, о родных, пишут ли, так заботится, чтобы мы теплее оделись, чтобы не простудились,— как мама. Мы и зовем ее — мама Барья. А мама — это ведь необыкновенно, да?»

— НИКИШИНА Варвара Филипповна. А девочки меня зовут мамой Барьей. Я им — Варя, а у них Барья выходит. Я здесь на озеленении территории МГУ работаю уже тридцать лет. Да какие тридцать, уже тридцать пять. Я сюда пришла в пятидесятом, университет еще только строился, я каменщицей работала. А потом тут и осталась. Здесь ведь ничего не было. Это теперь здесь красота, а тогда пусто было. Дорожки прокладывали, цветники устраивали, деревья сажали. Так вся моя жизнь тут и прошла. Гуляет человек по аллейке, а кругом газоны, цветы — и глаз радует, и воздух чистый, здоровый. А сколько труда нужно, чтобы все это глаз радовало, и не расскажешь. Знаете, как говорят: земля любит, чтобы ее пóтом поливали. А на моих кубиночек я прямо не нарадуюсь, уж такие они помощницы. Нам каждое лето студенты помогают, я уже сразу вижу, если человек боится ручки в земле испачкать. А тут в первый день смотрю на кубиночек, как они в земле возятся, и спрашиваю: вы, наверно, в деревне родились? А они закивали головами, заулыбались. Крестьянского человека всегда видно. Работают, не разгибая спины. Я им: да посидите вы в теньке, отдохните, а они: нет-нет, мама Барья, мы будем работать, вы старенькая, устали, а мы молодые, сильные. А веселые какие, хохочут, как дети. А однажды прихожу, а они стоят и плачут. Они на бригады разбиты по трое, и вот стоят все три и плачут. Мы с ними розы посадили, а кто-то выкопал их себе на дачу, и вот стоят над ямками и ревут. Как же так, говорят, мы так ухаживали за ними, ведь для всех, чтобы всем красиво было. Вот какие кубиночки мои.

Элоиса Гонсалес АЛЬБАРИС: «Наша работа называется озеленение. Мы — озеленители. Мы делаем улицы зелеными. Все очень просто — вскапываем, удобряем землю, сажаем, поливаем. Мы работаем каждый день с восьми утра. По вечерам иногда болит спина. Но это я не жалуюсь, я совсем о другом. Делаешь клумбу и иногда думаешь, что кто-то потом пройдет мимо и даже не обратит на нее внимания. Будет смотреть в другую сторону или о чем-то задумается. В голову приходит даже такая мысль: а может, это вообще не нужно? Какая разница, будет здесь клумба или нет? А ведь в это же время мы могли бы сделать что-нибудь действительно полезное, например, наши ребята-кубинцы сейчас строят в Казахстане дома, фермы. А тут цветочки. Но только если так рассуждать — это значит ничего не понимать. Абсолютно ничего. Потому что то, что мы делаем,— это, может, сейчас одно из самых главных дел. Человечество живет с каждым годом все быстрее. Вы только задумайтесь: овладение атомной энергией, освоение космоса, компьютеры, приближение к практическому решению вечных загадок жизни благодаря успехам генетики — и все это на протяжении короткого времени, все это лишь начало будущего прогресса. Но куда приведет нас этот быстротекущий прогресс? Не таит ли он серьезных опасностей для человека? Какие меры нужно принять уже сегодня, чтобы направить его целиком только на благо человечества, чтобы завтра он не причинил страшного, непоправимого вреда? Загрязнение окружающей среды отходами растущего производства, гибель животных, лесов, быстрый рост сердечно-сосудистых заболеваний — не первые ли это звоночки, предупреждающие нас, чтобы мы были осторожными в обращении с природой? И что будет дальше? На нашу жизнь природы хватит, а на жизнь тех, кого мы вырастим? Проблемы экологии теперь так же важны, как проблемы войны и мира. И эти вопросы неотделимы от взаимоотношений и соревнования двух социальных систем — какая из них соответствует объективному развитию научно-технического прогресса? При какой системе люди смогут создать лучшие условия, чтобы сберечь природу? Вот и получается, что озеленение — это не просто цветочки, это, если хотите, передовой фронт борьбы за наше будущее. Москва — одна из самых зеленых столиц мира. Вряд ли найдется на Западе огромный индустриальный город, который мог бы похвастать такими зелеными массивами. Кто-то назвал район Ленинских гор, где расположен наш университет, легкими Москвы, так здесь хорошо дышится. Но чтобы так было всегда, нужно очень много работать. И вот поэтому завтра в восемь утра я снова пойду делать мою работу — озеленение нашей Москвы. Потому что Москва — и моя тоже».

В воскресенье она встает рано, когда все еще отсыпаются, и выглядывает в окно. Он уже ждет ее с рюкзаком за плечами внизу, у киоска «Цветы», на углу проспекта.

В раннем воскресном троллейбусе, кроме них, никого, и заспанный шофер зевает и улыбается им в зеркальце. В троллейбусе открыты все окна, и в них врывается ветер, за рекой возникает кромка леса.

— Это, наверно, как тайга?

Он смеется.

— Какая же это тайга! Тайга — это...— только качает головой и разводит руками, не в силах объяснить тайгу.— Вот приедешь к нам и сама увидишь.

В Серебряном бору их встречает запах сирени, травы, листьев, еще мокрых от росы. Она трогает ладошкой каждое дерево и повторяет его название, чтобы лучше запомнить.

— А у нас деревья совсем, совсем не такие...

По траве бегают солнечные пятна. Она рассказывает о городке Пинар-дель-Рио, а он о Новосибирске.

— А у нас в школе отметки совсем не такие, как у вас. Не пять, четыре, три, а сто, девяносто, восемьдесят. А двойка — это пятьдесят. Мне только один раз поставили пятьдесят. Даже сейчас помню, как я плакала...

— А я, когда был маленький, жил у деда в таежной деревне. Пошел погулять и три дня по тайге плутал, пока не вышел по реке к людям...

— А вот это слева на фотографии моя мама. Здесь она совсем еще молодая. Сразу после революции у нас началась борьба с неграмотностью, и она приехала в Пинар-дель-Рио, тогда это была совсем деревня. Она учительница...

— У нас зимой страшные морозы. Как же вы там живете и ни разу снега не видели?

С сосны падают сухие иголки. Подмосковный лес. Сибирь. Куба. Земля, в общем-то, маленькая.

— ВИШНЯКОВ Владимир. Третий курс мехмата. Да-да, озеленитель. Хотел в стройотряд куда-нибудь на Север или за Урал, чтобы летом в городе не торчать, да и заработаешь там больше, но не вышло. Сначала даже немного обидно было — ну что это за стройотряд! А теперь нисколько даже не жалею. Потому что в любом стройотряде главное — это ребята. Ведь каждое знакомство, каждый новый человек — это приобретение, это целый новый мир, в каждом ты видишь для себя что-то новое, чему-то у него учишься. А тут сразу столько новых друзей! Взять наших кубинок. Они мне говорят: мы приехали в Советский Союз учиться у вас, у советской молодежи. А вот я работаю с ними каждый день и так чувствую, что мне самому нужно у них многому поучиться. Чему? Да хотя бы тому, как они

умеют смеяться — просто, искренне, легко. Я сам такой человек, что больше всего не люблю грустить. А они этого вообще не умеют. Но и представление, что они только поют и танцуют, тем более неверное. Они все очень серьезные, даже хохотушка Аурора. Они в главном серьезные. Я знаете, что заметил: смотрим по телевизору какой-нибудь исторический фильм про революцию, а они так все переживают! А потом я понял — для нас это история, а для них революция — это прямо сейчас, сегодня. Они сами делают революцию. Понимаете, они все охвачены революцией. Слова «борьба», «трудовой фронт» они понимают в самом прямом смысле. Я их спрашиваю: а у вас на Кубе стройотряды есть? Головой кивают. А что вы в стройотряде в прошлом году делали? И они рассказывают, как рыли окопы. Ну да, настоящие окопы. Уже сколько лет на Кубе народная власть, а угроза войны не проходит. Самая настоящая угроза. До сих пор на Кубу засылаются диверсионные группы. И от Майами, где окопалась вся эта сволочь, до берегов Кубы всего 60 километров. И когда они говорят, мы боремся за социализм, это нужно понимать буквально. Почти у всех родители сражались против солдат Батисты. Отец Магалис участвовал в боях на Плая-Хирон. Да они все просто живут революцией. Я вот в стройотряд куда-нибудь подальше хотел, чтобы больше заработать. А они даже не спросили, сколько им за эту работу заплатят. И вкалывают по-настоящему. Сейчас мне даже трудно себе представить, что пройдет лето, кончится стройотряд, что они окончат учебу и уедут домой, так мы с ними подружились. Мне кажется: чему-то я у них уже научился. Наверно, видеть главное. Так и должно быть — мы должны учиться друг у друга. Это и есть интернационализм.

Аурора, Магалис, Лариса доканчивают лепестки. Барбара и Онелия высаживают крылья голубя. Элоиса стянула с рук резиновые перчатки, черные от мокрой земли, и вытерла лоб. Вот уже почти готова их главная клумба — фестивальная ромашка.

Цветы чуть дрожат от ветра, и кажется, что голубь мира шевелит крыльями.

— Все, девчонки, обедать! Мама Барья, мы в столовку пошли!

— Ой, девочки, а я вам сегодня окрошку принесла! Помните, рассказывала? Хорошая окрошка, домашняя...

Помялись, поотказывались для приличия и устроились прямо на свежескошенной траве. Мама Барья раздала припасенные из дома миски и ложки.

— Да вы попробуйте только, ни в какой столовой такой окрошкой не накормят!

Аурора понюхала, попробовала и зажмурилась:

— Ой, как вкусно!

Мама Барья налила всем и подперла кулаком щеку.

— Доченьки вы мои. Молодые, счастливые... Да вы ешьте, ешьте...

ЮГОСЛАВИЯ

ЛИТЕРАТУРА И ЖИВОПИСЬ

Белый конь, белый конь... Символ чистоты, красоты, отваги и веры в победу добра. Белый конь из старых славянских сказаний — его часто можно увидеть на картинах современных югославских народных художников; некоторые из них мы представляем вам на этих страницах. Белого коня изобразил Ян Сокол из села Ковачичи. Его конь — трудяга, на нем пашут, на нем возят сжатый хлеб. На белом коне скачет герой древней легенды о святом Георгии, да только нет в герое никакой святости: обыкновенный крестьянский парень — настоящий народный герой, таким видит его молодой художник Г. Попов.

Белый конь есть и в публикуемом здесь рассказе югославского писателя Еврема Брковича. Но тот, кто восседает на нем — «воевода» Джуришич,— вполне под стать дракону...

Поэт и прозаик Еврем Бркович всеми своими корнями связан с Черногорией, где он родился, вырос, где он живет и сейчас. В стихах и прозе он воспевает независимый и гордый характер своих земляков, особенно ярко проявившийся в битве с фашизмом.

В годы второй мировой войны Черногория стала одним из очагов вооруженной борьбы с немецкими оккупантами. На ее освобожденной территории была установлена народная власть, и, когда сформированные здесь отряды Народно-освободительной армии перешли в соседнюю Боснию, преследуя отступающего противника, в селах появилось «войско воеводы Джуришича», предводителя предателей-четников, прислуживавших оккупантам.

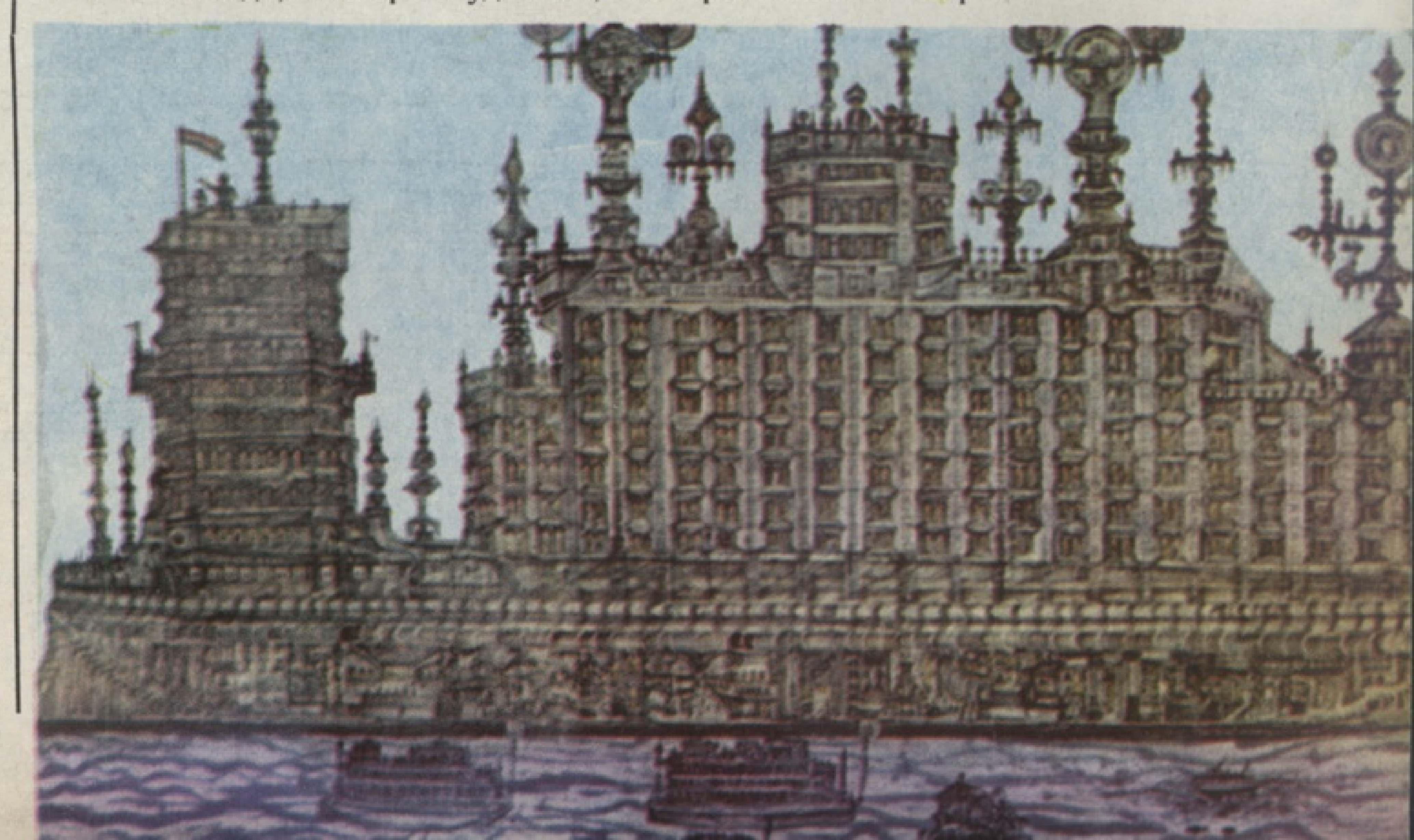
В рассказе автор отразил драматический момент размежевания, обычно сопутствующий утверждению новой, народной власти, когда возникает необходимость даже с риском для жизни открыто и прямо сказать, с кем ты и против кого. Так «триумфальный» въезд «воеводы» в село оборачивается открытым столкновением, в котором выясняется, что пришедшие «приветствовать» «воеводу» крестьяне в основной массе связаны своими корнями с народной властью, с коммунистами.

И тут «воевода», показавшийся поначалу крестьянам этаким «героем на белом коне», приказав разорить село, демонстрирует свое истинное лицо грабителя и прислужника грабителей. (После освобождения Югославии стал, кстати, известен такой документ, под которым стоит подпись Джуришича: «Начальнику штаба верховного командования. Акция на правом берегу Лима осуществлена в полном соответствии с планом. Ее результаты: 1. Полностью уничтожены 33 села; 2. Убито около 400 бойцов, женщин и детей — тысяча».)

Лишь богатые хозяева остаются на стороне Джуришича. Да несколько стариков, решивших не примыкать ни к одной из групп, горестно переживают обрушившуюся на село беду, ругая и правых и виновных.

Сорок лет исполняется в этом году социалистической Югославии.

Годы мирной трудовой жизни дали возможность расцвести культуре всех республик и краев страны, и культуру эту питают богатейшие народные традиции. Мы уже назвали вам две картины из публикуемых произведений народных художников. Вот еще три: «Натюрморт» Веченая Степана. «Сбор яблок» Бранко Ловака, воспоминание о недавнем детстве, таком ярком и сказочном. И картина Юрака Драгутина: громадные дома, великолепные дворцы и рядом маленькие люди. «Но эти маленькие люди,— говорит художник,— и строят большой мир».

РАЗМЕЖЕВАНИЕ

Еврем БРКОВИЧ,
югославский писатель

Рассказ

В петров день в наше село вошло мощное бородатое войско воеводы Джуришича.

Как и все армии, которые до этого через нас проходили, войско воеводы имело и сторонников, и тех, которые, не знаю отчего, давно его ожидали. Но среди нас было гораздо больше таких, которые боялись и воеводы, и его войска.

Братья Мучалицы и Томаш из Милевины за два дня до прихода солдат воеводы в село сами себя провозгласили сторонниками этой армии и верховной властью в селе. Они были вооружены и принаряжены, из деталей униформы им не хватало только бороды, они ходили от дома к дому, подготавливая село к великой торжественной встрече воеводы Джуришича и его армии. Каждый взрослый человек, будь то мужчина или женщина, от тринадцати лет до сотни лет и больше, получил приказ в петров день ровно в полдень быть среди села на большом лугу под старыми вязами. Было приказано обязательно нарядно одеться и явиться с улыбками и полными корзинами фруктов, самых свежих и самых лучших.

С первым утренним холодком стали собираться на большом лугу под вязами. Сначала явились более старые и организаторы встречи. Сразу же после них по всем дорогам, тропинкам, стежкам и дорожкам, через огороды, поля и лужки стал собираться народ. Братья Мучалицы и Томаш из Милевины приказывали, где кому сесть и как вести себя. Тех, кто был получше одет и смотрел повеселее, устроили на самых видных местах, а тех, других, за ними. Девушки с полными корзинами фруктов и цветов стояли в стороне и ждали.

Гусляра Никицу Лазарева, торжественно разряженного для этого случая, устроили под самым толстым вязом, распорядившись, чтобы он сидел, и ждал и вставал, когда будет сказано.

Уже прошел добрый час времени, если и не больше, с тех пор как все глаза устремились туда, откуда только и могут явиться воевода и его армия. В самый зной на перевале Джурджевой горы, которая отделяет наше село от другого села и от всего остального мира, появился воевода Джуришич на белом коне со множеством солдат за собой. В первое время все, даже братья Мучалицы и Томаш из Милевины, замолчали и безо всякой команды встали.

— Словно сердар Янко [1], и конь у него такой же,— первым проговорил Мараш Перов, старик, число лет которого уже давно остановилось на восьмидесяти.

— Конь сердара был малость побелее и повыше, да и кажется мне, что и сердар был покрупнее,— сказал Крсто Мирков, вероятно, ровесник Мараша и его родственник.

— Не забегай вперед, Крсто,— остановил его Мараш,— увидим, когда подъедет поближе. Мне он кажется похожим на покойного сердара.

И чем ближе были воевода и его войско — под вязами становилось все тише и жарче. А когда они оказались в сотне метров, братья Мучалицы и Томаш из Милевины приказали, чтобы и народ и гусляр запели. Началось общенародное пение, девичье, а много реже мужское. Гусляр водит по струнам, но рта не раскрывает, бережет горло до тех пор, когда прикажет воевода.

Воевода и часть его свиты подъехали под вязы. Все повставали, старики поснимали шапки, братья Мучалицы и Томаш из Милевины встали по стойке «смирно» и приветствовали воеводу. Выйдя вперед, Мараш Перов, старый воин-перьяник [2], торжественно и по-стариковски приветствовал воеводу Джуришича.

— Господин великий воевода и воеводина светлая свита, добро пожаловать в это бедное село, которое уже два года крестом не крестится, свечу не зажигает, бога забыло и приняло безбожный безумный образ, а все это по приказу коммунистической власти и ее красных комиссаров. Да здравствует воевода, народ! — закончил Мараш, подошел к воеводе и поцеловал его.

Всего несколько тонких голосов, среди которых выделялись голоса братьев Мучалицев и Томаша из Милевины, закричали: да здравствует, да здравствует.

Пока воевода сидел на коне, он еще походил на воеводу, но когда спешился, то оказался маленьким крепким человечком с быстрыми движениями и живыми глазами. Борода придавала ему необычный, полный достоинства вид. Крсто Мирков, ближайший родственник и ровесник Мараша, который приветствовал воеводу, улучил момент, чтобы сказать своему родственнику, что воевода не только не похож на сердара Янко, но что он меньше самого маленького солдата из их прежнего батальона, в котором они дрались на Барданьсло и Скадре.

— Ладно, парень, вижу и я, что он вовсе не похож на сердара, но он воевода,— тихо ответил ему Мараш.

[1] *Сердар Янко — вождь одного из черногорских племен Янко Вукотич. Во время первой мировой войны командовал группой черногорских войск.— Прим. ред.*

[2] *Перьяник — гвардеец из стражи черногорского князя.— Прим. пер.*

— Народ! — наконец заговорил воевода.— Я освободил это село, и я хочу знать, кого это я освободил. Я хочу вас разделить, причем сразу же, а позднее, под гусли и за столом, мы будем разговаривать о боге и обо всем остальном.

— Давай разделимся, воевода,— сказали братья Мучалицы.

— Давайте разделитесь, да сразу же! Те, у кого в доме есть коммунисты, здесь или в Боснии, пусть идут туда, на солнышко, а мои пусть останутся в холодке,— приказал воевода.

— Давай, народ, разделимся, время пришло, пора показать, кто куда относится,— приказал Томаш из Милевины.

— А можно без деления, воевода? — попросил его Мараш с шапкой в руках.

— Нельзя, старик! — огрызнулся воевода и продолжал: — Народ, как я уже сказал, семьи коммунистов пусть идут на солнце, а мои пусть останутся в холодке под вязами. Живо, народ!

Наступила общая глухая тишина. Замолкли и гусляр и девушки. Собравшиеся люди стали смотреть друг другу в глаза. Прикажи воевода что угодно другое, было бы легче и выполнить и вытерпеть. Впервые они должны разделиться.

— Делитесь немедленно! — снова приказал воевода.

Первыми из тени двинулись, начали разделяться матери, жены и сестры тех наших крестьян, которые еще с начала восстания были известными коммунистами, а сейчас находились где-то в Боснии. Толпа, собравшаяся в тени под вязами, начала редеть.

— Живее, живее! — покрикивал воевода.

После нового воеводиного приказа из тени вышло несколько юношей и девушек. За ними пошли группкой и крестьяне постарше, которых никто не считал ни коммунистами, ни друзьями коммунистов. За ними двинулись их семьи и еще некоторые, в основном известные как неопределенные и тихие. И поскольку группа на солнце увеличивалась, воевода становился все нервознее.

— Могу ли сказать слово, воевода? — обратился к нему Крсто, родственник Мараша-поздравителя.

— Говори, старик, но коротко,— сказал воевода.

— А можем ли мы на три части разделиться?

— Как, как? — спросил воевода.

— Тут среди нас есть такие, что ни твои, ни коммунистические. Вот я за короля Николу и за его Черногорию с помощью России, Италии, Франции и Англии, а против Турции, Неметчины и Японии.

— Хватит, старик, это другие времена,— сказал воевода.

— Я — третья группа, воевода,— сказал Крсто и вышел из тени, прихрамывая.

На старика все посмотрели и подумали, что он пошел, чтобы присоединиться к тем, на солнце. Когда он вышел из холодка, он остановился между двумя уже сформировавшимися группами народа, снял шапку и посмотрел на солнце. Мараш-поздравитель, увидев, что сделал его родственник и ровесник Крсто Мирков, оглянулся вокруг себя и, заметив, что все на него смотрят, без слова вышел из тени и встал рядом с Крсто. Так ими двоими и началась третья группа. Воеводу все это смутило, и он так разозлился, что зарычал, как рассерженный волк:

— А это ты меня только что приветствовал, а, старик?

— Я, воевода, я,— сказал Мараш и погладил рыжие усы.

— Ты, значит, врал,— сказал воевода.

— Не врал я, воевода, душой клянусь, но, когда дело так пошло, я почувствовал, что Черногория мне дороже тебя,— ответил Мараш-поздравитель.

— Ух, собачьи старики,— сказал воевода.

— Крсто! — откликнулся из коммунистической группы Михайло Петров, бывший офицер местной черногорской армии и отец известного коммуниста Вуядина, сейчас партизанского командира где-то в Боснии.

— В горе ты меня зовешь, Михайло, видишь, какие времена пришли. Разделяют нас, как овечьи стада по осени.

— Я из-за сына Вуядина с этими, а душа моя там, с вами. Можно мне к вам перейти?

— И я с тобой, Михайло,— сказал Митар-перьяник,— я здесь с этими только из-за дочери.

От коммунистической группы отделились Михайло и Митар и перешли в третью группу к Крсто и Марашу.

Их жены остались в коммунистической группе.

В тени под старыми вязами остались только братья Мучалицы, Томаш из Милевины, гусляр и несколько богатых хозяев. Когда воевода увидел, что село разделилось на три части и что его группа меньше коммунистической, он вскочил на коня, позвал своих солдат и приказал им опустошить село, взять все, что можно взять. Сказал еще и вот что:

— Это какое-то собачье село, оно не годится для ночлега мне и моей армии.

До самого вечера в селе хозяйничали воеводины солдаты, а народ весь день оставался там, где и был, каждый в своей группе.

Когда воевода покинул село, народ стал расходиться, но группы и теперь не смешались. Первой пошла по домам воеводина группа, презренная даже самим воеводой. Несколько позже ушла и коммунистическая группа, стараясь нигде не встретиться с этими из воеводиной группы.

Старики оставались дольше всего. Они разошлись только с первыми звездами. Сидели под вязами, курили, громко ругали воеводу, нынешние времена и коммунистов.

Перевела с сербскохорватского
Т. ВИРТА

СИНДИКАТ БХАГВАНА

Герхард КРУГ,
западногерманский
журналист

На несколько секунд вертолет зависает прямо над машиной, и я вижу пилота в шлеме, в черных очках. Вертолет обгоняет меня и отваливает в сторону. Расположенные на шоссе посты службы безопасности Раджнешпурама через каждые несколько километров проверяют документы, осматривают машину. Что ж, значит, Раджнешпурам, город Раджнеша, цель моей поездки в Орегон, уже недалеко.

Наконец я въезжаю в столицу «империи Бхагвана». В офисе административного здания заполняю бесчисленные формуляры. Меня обыскивают, снова роются в машине. Один из сотрудников службы безопасности еле удерживает немецкую овчарку. Мой багаж, состоящий из одного чемодана, подвергается обыску дважды. Сам выворачиваю карманы брюк и пальто. На правую руку мне надевают пластиковый браслет с моей фамилией и датой прибытия.

В Бхагван-отеле меня встречают две дамы с дежурными улыбками и глазок видеокамеры. Надо привыкать: он будет следить повсюду. Одноместный номер стоит кругленькую сумму — 482 доллара 50 центов, включая три вегетарианские трапезы в день.

Пять часов вечера. До посещения «великого мастера» еще есть время. Подготовка к встрече с «просветленным» требует самоочищения — весьма прозаического, с помощью мыла и шампуня. Эти средства очищения, которые выдаются каждому, кто удостаивается встречи с «божественным», особые — лишены запаха: Бхагван страдает жестокой аллергией. Предписан также абсолютно «неаллергенный» гардероб. Шерстяные вещи не надевать ни в коем случае.

В шесть часов начинает заполняться небольшой зал в резиденции Бхагвана. Справа от трона «учителя» располагаются избранные, группа из двадцати обер-учеников. Среди них старые сподвижники еще со времен индийского периода общины в Пуне [1].

Посетителям строжайше запрещено пользоваться собственными магнитофонами и фотокамерами: клан тщательно заботится об охране авторских прав Бхагвана. Операторы и техники из специальной службы запечатлеют выступление для вечности, они же размножат его для продажи.

Ровно в семь через потайную дверку входит сам Бхагван. Присутствующие падают ниц. «Божественный», одетый в роскошную, шитую золотом и перламутром хламиду, устраивается на троне и почесывает несколько поредевшую, но еще внушительную бороду. «Лекция» начинается. Кто-то из приближенных зачитывает главный вопрос повестки дня: «Бхагван, ты действительно веришь, что бога не существует?» По всей видимости, «учитель» хорошо подготовился к этому каверзному вопросу и, не теряя времени на раздумье, приступает к доказательству собственного божественного происхождения. Он атакует церкви, не оставляет камня на камне от индуизма, ислама, христианства. Заканчивается проповедь выверенной словесной игрой: «Я не просто верю, что бога не существует, я знаю это точно». Доказав, таким образом, что единственный бог на земле — это он сам, Бхагван удаляется. Присутствующие падают ниц. Прием окончен.

Как же протекает день жителя Раджнешпурама? Подъем без четверти пять. Транспортировка на автобусах к огромному залу для истерических воплей, пения гимнов Бхагвану и ритуальных плясок. Снова в автобус. Вегетарианский завтрак. Меню одно и то же изо дня в день. Объявление через громкоговорители: «Поторопитесь на поклонение, братья и сестры, автобусы отходят через пять минут». Потом начинается «поклонение», которое на самом деле — обыкновенная работа, и притом тяжелая: строительство дорог, «поклонение» в авторемонтной мастерской, прачечной, в поле, на животноводческой ферме. После ужина ученики два часа сидят перед экранами телевизоров и внимают записанным на ви-

[1] *«Ровесник» писал об этой общине в № 10 за 1981 год.*

деомагнитофон речам «учителя». Потом все идут спать.

Так семь дней в неделю. Без праздников и выходных. Вместо зарплаты — крыша над головой, вегетарианское питание, спецодежда и один раз в день в качестве награды — видение «великого мастера», проезжающего на «роллс-ройсе» по Раджнешпураму. (Как это выглядит — см. фото.— Ред.).

Иду посмотреть на кортеж «земного бога» и я. За несколько минут до выезда Бхагвана в воздух поднимается вертолет охраны. Всюду расставлены люди из группы безопасности. Холодно, на обочине дороги лежит снег. Один из агентов охраны проверяет у зрителей, которые столпились вдоль шоссе, именные браслеты. Другой приказывает: «Построиться!» Все выстраиваются в линию. Слышится окрик: «Быстрее, идет колонна».

Впереди «мерседес» службы безопасности. За ним один из тридцати «роллс-ройсов» Бхагвана. За рулем — сам. Далее следует еще один «мерседес» с охранниками, вооруженными автоматическими винтовками. При виде «просветленного» ученики впадают в экстаз. На капоте его автомобиля высится гора цветов. Цветы для «любимого учителя» можно купить тут же, доллар за штуку. Колонну сопровождает оркестр из саксофона, барабана, трещоток и труб. Многие ученики и особенно ученицы закрывают лицо руками, боятся заметить, что «божественный» не удостоил их даже взглядом. Колонна скрывается за поворотом. Ученики снова расходятся на рабочие места.

Однако нельзя сказать, что подданным «империи» уделяется мало внимания: служба безопасности Раджнешпурама проявляет о них большую заботу. По десять раз на дню каждого спрашивают, где он был, какие выступления Бхагвана уже выучил и какие собирается изучить в ближайшее время. Все перемещения по территории общины строго регламентированы. Хочешь куда-то отлучиться — сперва попроси пропуск в службе безопасности. И каждый раз снова и снова проверка браслета с именем...

Что это? Страшное видение из фантастической антиутопии? Плод болезненного воображения? Город сумасшедших? Неужели все это может существовать в конце двадцатого века?

Может. Существует. И процветает.

Так кто же он, «божественный», «возвышенный», «просветленный»?

Человека, окутавшего себя тайной и создавшего свою «всемирную империю», зовут Раджнеш Чандра Мохан. Он родился в Индии в 1931 году, причем, по его собственным словам, не в первый раз. Он, оказывается, уже был рожден 700 лет назад и прожил тогда 106 лет, посвятив свою первую жизнь монашеству. Перед смертью он пообещал ученикам вернуться. У порядочных людей принято держать данное слово, и вот Раджнеш вернулся. Правда, возвращение было не столь удачным, как ему хотелось бы. Во второй раз Раджнеш родился в такой бедной семье, что родители были не в состоянии прокормить многочисленных детей и отдали сына деду. Тот умер, когда будущему «богу» не исполнилось и семи. В борьбе за существование мальчишке, очевидно, пришлось туго. Во всяком случае, с детства он проникся ненавистью к нищете и всеми силами стал рваться наверх, где жизнь была красива, как в кинофильмах. Раджнеш считал, что обыкновенным трудом добиться чего-либо в жизни невозможно, и готовил себя к другому поприщу.

В 60-е годы Раджнеш приобретает славу прорицателя. Первая почитательница, Лакшми, дочь влиятельного политика, проложила ему дорогу в высшее бомбейское общество. Но очень скоро его внимание переключается на паломников из Западной Европы и Америки, хлынувших к тому времени в Индию в надежде убежать от самих себя и от окружающей их действительности.

Тысячи молодых людей, разочарованных и опустошенных, утративших веру в западную цивилизацию, в буржуазную демократию, затравленные безработицей, ростом преступности, поклонением доллару, страхом перед будущим, отправились на Восток с заветной мечтой: обрести истину.

Клиентура готова. Спрос на истину небывалый. Дело за предложением. И Раджнеш выбросил на рынок «истину». Вот его собственное выражение: «Если что-то невидимо, то его можно продавать вечно». Товар стал бойко расходиться. Уже своей внешностью «прорицатель» импонировал западному человеку: экзотическая борода, царственные движения, сверкающие гипнотизирующие глаза, обволакивающий голос. Чтобы его наверняка никто не спутал с тысячами других индийских гуру (учителей.— Ред.), он без лишней скромности дал себе имя «Бхагван», что значит — «бог».

Учение Бхагвана — тщательно приготовленный винегрет из самых разных восточных религиозных учений, приправленный «новостями из мира науки»: от дзен-буддизма до биоэнергетики. Люди приходят к Бхагвану с вопросом о смысле жизни. Вечный и наивный вопрос, особенно если спрашивающий ожидает на него короткого и ясного как дважды два — четыре ответа. Бхагван отвечает: «Ты должен стать самим собой!» А чтобы этого достигнуть, заявляет он, сперва ты должен уничтожить свое «я», превратиться в абсолютное «ничто». На превращение человеческой личности в это «ничто» и направлена деятельность всей фабрики Бхагвана. Идея проста: нужно «разрушить самого себя» ради рождения на развалинах старого «я» некоего «я» нового, и тогда «жизнь станет прекрасной, невероятной, просто фантастической». В одиночку, правда, разрушить старое «я», а тем более найти новое невозможно. Для этого необходимо чуткое руководство «великого мастера», которому нужно во всем беспрекословно подчиняться.

Для искоренения собственного «я» был разработан целый комплекс мер. Постоянные унижения и тяжелая грязная работа перемежаются восхвалениями Бхагвана, побои прерываются объятиями. Учеников, разбитых на группы, обрабатывают психологи, которые помогают подопечным отрешиться от самих себя, зачеркнуть свое прошлое. Все, что человек пережил, прочувствовал, узнал, выстрадал,— все это Бхагван требует уничтожить. Ученикам внушают: во всех кризисах и неудачах виноваты только они сами, а точнее, еще не выкорчеванные остатки прежнего «я». Далее следует «динамическая медитация»: «Чувствуй жизнь! Взрывайся! Кричи! Вой! Плачь!» — приказывает Бхагван, и этим простым приемом достигает у новообращенных быстрого успеха. Потом наступает стадия «полета»: ученики должны дышать как можно глубже. Делая эти, по сути, обычные дыхательные упражнения, человек испытывает ощущение свободы и легкости, которые мог бы испытать и дома, разучив подобный тренировочный комплекс.

Давно известно: легко обмануть того, кто хочет быть обманутым. После нескольких дней такой обработки ученики, полностью подавив свою личность, впадают в растительное состояние: превращаются в существа без мыслей, без прошлого, без настоящего и будущего. На этой стадии ученик готов, наконец, к «правильному» восприя-

тию самого «великого мастера». Явление «бога» устраивается по всем правилам ошарашивания, обращенные изнемогают от восторга: «Вот он стоит предо мною! Как он прекрасен! Бхагва-ан!»

Свой первый ашрам[1] Бхагван открыл в Пуне, в 180 километрах юго-восточнее Бомбея. В Пуну устремились паломники, а в карман «земного бога» потекли миллионы. Курс уничтожения «я» стоил немалых денег. С тех, кто хотел принадлежать к 600 избранным, имеющим право отказаться от свободы мировосприятия и чувства собственного достоинства в непосредственной близости к Бхагвану, взималась дополнительная плата. Каким способом они добывали деньги, «великого мастера» не интересовало. Девушки, которые не имели необходимой суммы наличными, но жить не могли без ежедневных речей учителя, продавали себя на улицах Пуны и Бомбея. Еще одна распространенная статья доходов клана — торговля наркотиками. Когда, например, шведка Кристина Коппель была задержана в лондонском аэропорту Хитроу с тремя килограммами гашиша в чемодане, она призналась, что согласилась везти наркотики по совету одного из учеников Бхагвана. Девушку убедили, что такой поступок был бы доказательством «полной самоотдачи» великому мастеру».

Над ашрамом собирались тучи. И тогда «бог» решил бросить общину в Пуне и укатил со своим новым директором-распорядителем Ма Ананд Шейлой, в миру Шейлой Силверман, в Америку, где на приобретенном в штате Орегон участке был создан новый ашрам, поставленный на капиталистическую основу.

Отупевшие от неизмеримой любви к «земному богу» ученики как-то не заметили новых идей в речах гуру. Если ранее он называл США «страной душевнобольных», то, обосновавшись здесь, нарек ее «самой свободной страной в мире». Прежде он проклинал капитализм, теперь торжественно вещает: «Капитализм помогает выразить самого себя».

И верно, здесь, в Америке, приближенные Бхагвана «самовыражаются» отменно. Ма Ананд Шейла Силверман, победив после ожесточенной борьбы за власть «ученицу № 1» Лакшми, стала главой концерна «Раджнеш фаундейшн». Иерархии клана фигура Бхагвана просто необходима: официально считается, что он не имеет никакой собственности, но зато те, кто находится в его «божественной» тени, делают хороший бизнес.

«Капитализм есть состояние свободы»,— глубокомысленно провозгласил «великий гуру». Ясно: чем больше денег, тем больше свободы, и руководителям клана необходимо очень много денег: Шейла со своими подручными заводят собственную авиакомпанию, открывают магазины, создают строительные фирмы, прибыльно торгуют речами «великого гуру», записанными на видеомагнитофон. Большой бизнес делается на дискотеках. Так, например, в тридцати городах ФРГ почитатели Бхагвана или просто любопытные могут, отдав дань «небесному» вполне земными деньгами, поплясать во славу «просветленного». Помимо дискотек, в ФРГ действуют 89 фирм клана, которые подчиняются восьми западногерманским ашрамам. Эти филиалы «Раджнеш фаундейшн» торгуют сельскохозяйственной продукцией и компьютерами, владеют авторемонтными мастерскими и парикмахерскими. Ученики «великого мастера» выражают свою любовь, почти что задаром работая на предприятиях его «империи». А в карманы хозяев концерна текут миллионы долларов чистой прибыли. Само собой разумеется, что подобное экономическое процветание «Раджнеш фаундейшн» возможно лишь потому, что в основе этого религиозно-капиталистического предприятия лежит самая бесстыдная эксплуатация. Вспоминает американка Розалия Смит, бывшая ученица и жительница орегонского Раджнешпурама. Случилось так, что она тяжело заболела, ее отправили в лазарет: «Пришел врач и сказал, что ничего у меня не болит, что я просто внушила себе болезнь, что я прекрасно могу работать. А я даже не могла встать с кровати. Тогда врач сказал, что я не полностью освободилась от эгоизма и не отреклась от своего «я» ради Бхагвана, иначе бы не заболела. Лечить меня отказались, требуя, чтобы я шла на работу. На следующий день трое из службы безопасности, не говоря ни единого слова, вывезли меня в ближайший городок и оставили на улице».

Тысячи и тысячи одураченных бесплатно работают на Шейлу и К^0. А что же сам благодушный и улыбчивый «бог», великий мастер околпачивания? Под предлогом заботы о здоровье «божественного» Шейла Силверман посадила Бхагвана под домашний арест. Вот как описывает будни «великого мастера» один из его бывших телохранителей: «Бхагван живет в своем бунгало среди тропических растений, павлинов и собак. Каждое утро его обследует врач. Он дает ему веселящий газ, который Бхагван очень любит. Перед обедом Бхагван привык вздремнуть. В два часа пополудни его выводят на улицу и сажают в «роллс-ройс», в котором он объезжает по определенному маршруту ашрам и, защищенный бронестеклом, принимает поклонение. Единственная его отрада — коллекционирование «роллс-ройсов». Вечерами он просматривает каталоги этой фирмы и выбирает с Шейлой новую модель. Но сам не покупает: без разрешения Шейлы он не может сделать ни одного шага...»

Перевел с немецкого
М. ПАВЛОВ

[1] *Ашрам — в индуизме религиозная община, коммуна.— Прим. пер.*

Позвольте рассказать вам об обеде в честь открытия выставки произведений из собрания Ватикана в нью-йоркском музее «Метрополитэн». Событие состоялось в перевезенном в Америку старинном храме, удачно дополненном копией Мертвого моря. На обед были приглашены супруга президента, вдовицы-филантропки, меценаты — главы различных корпораций, обладателей громких имен представляли принц Альберт Монакский и Генри Киссинджер, присутствовали также знаменитости нью-йоркского мира искусств. Поскольку коллекция была ватиканской, естественно, сочли необходимым включить в число приглашенных и профессиональных католиков: кардинала Кука, ватиканских эмиссаров, богатых нью-йоркских мирян, специализирующихся на христианском образе жизни, и рыцарей мальтийского ордена. Гости были размещены за столиками, как бусинки на индейских поделках: один деятель культуры, один христианин, один деятель культуры, один христианин, один деятель культуры и т. д.

Гости испробовали все темы, с которых начинается обычная нью-йоркская светская беседа: какие нынче цены на недвижимость, кого из общих знакомых недавно ограбили, у кого из знаменитостей дети арестованы за наркотики — короче, разговор людей столичных, старательно избегающих пошлых тем, популярных в провинциальной светской болтовне (погода, езда в нетрезвом состоянии и проч.). Но разговор безнадежно глох, и в эти страшные минуты слышалось лишь звяканье взятого на прокат столового серебра.

Перед десертом я вышел прогуляться по музею. В одном из залов я налетел на двух облаченных в смокинги нью-йоркских торговцев картинами. Они сокрушенно трясли головами: «Кто, кто эти совершенно невозможные, невероятные люди?»

Ну конечно! В том, что на событии столь возвышенном, событии «мира искусств» присутствовали все эти религиозные деятели, было нечто не только из ряда вон выходящее. В этом было нечто... нечто... да, да, нечто святотатственное! Что ж это творится: служители культуры должны сидеть за одним столом с этими варварами, язычниками! Вот что потрясло моих торговцев. Ибо сегодня искусство — а не религия! — является религией образованных классов. Сегодня образованные люди смотрят на религиозную принадлежность как на принадлежность социальную. И лишь на искусство взирают они с религиозным почтением.

Когда я говорю, что искусство является религией образованных классов, я не вкладываю в это высказывание переносного смысла, подобно тому как говорят, что кто-то с религиозным пылом придерживается диеты или занимается спортом. Я не использую слово «религиозно» как синоним «с отчаянным энтузиазмом». Я просто придерживаюсь определения объективных функций религии, данного одним философом: от-

ШТУЧКА НА ПЛОЩАДКЕ

Том ВУЛФ,
американский писатель

Памфлет по поводу искусства и того, что около него

каз или полное отрицание явлений, происходящих в действительности, и легитимация, узаконение, точнее, «отбеливание» богатства.

Каждый из нас знаком с уходом от реальности в обычном религиозном смысле. Когда я работал в «Вашингтон пост», меня послали в горы Западной Виргинии написать репортаж о культе змей. Его приверженцы взяли за основу отрывок из Евангелия от Марка, в котором повествовалось об Иисусе, говарившем своим ученикам, что, ежели кто истинно верует в него, тот сможет «взять в руки змею, и змея не причинит тому никакого вреда». Культ отправлялся перед ящиком или корзиной с ядовитыми змеями: змеи высовывали из-под крышки головы и нацеливали свои раздвоенные язычки прямо на вас. Змееверы обитали только в горах: народ здесь особенно беден, фермеры еле дотягивают до нового урожая, и речи змеиных проповедников обычно сводились к следующему: «О, я знаю, там, в долине, они ездят в сверкающих автомобилях, да курят большие и толстые сигары, ух-хух, забавляются с разряженными женщинами, ух-хух, о да. Но придет судный день, и придет время поцеловать змею. И вы войдете под правую длань господа нашего и будете жить, осиянные светом его, а они канут прочь!» Вот что такое религиозное отрицание жизни.

На сегодня существует несколько религий, привлекающих образованную публику, но успех их крайне ограничен. Самый на сегодня популярный способ отрицания жизни — через искусство. Уверен, он знаком и вам. Вот вы едете в утренний час «пик» в метро. Вы втиснуты в вагон — консервную банку на колесах, содержимое которой — люди. Вас мотает, толкает, пинает вместе со всеми, кто-то что-то бормочет под нос, кто-то с кем-то ругается, кто-то просто свирепо таращит глаза, и вы делаете то же самое, и избавления нет. И вдруг взгляд ваш падает на смирненько сидящую девушку, и вам кажется, что она окружена розовым коконом мира, покоя, безопасности. Глаза ее опущены долу, на коленях лежит книга. Вглядевшись попристальней, вы видите, что это или Рембо, или Рильке, или Бодлер, или Кафка, или еще что-нибудь столь же высокое. И, разглядев это, вы понимаете, какова природа невидимого кокона. Создает его внутреннее убеждение: «Меня можно втиснуть в клетку с крысами, в бурлящий человеческий котел, но я не есть часть этой пошлой массы. Я — вселенная сама по себе. Я могу отринуть всю вашу действительность». И вы мысленно рисуете себе комнату этой девушки: вместо дивана — матрац на кирпичах. Окно завешено монашеской мантией. Ручной работы глиняный кувшин с васильками. На стенах — копии Поля Клее и Модильяни, плакат с выставки Матисса. «Мне не нужны ваши буржуазные обои и весь ваш стандартный, примитивный мир с вашими стандартными, примитивными заботами. Я ухожу от него в Искусство».

Ну а как насчет узаконения, «отбеливания» богатства? Еще не так давно очень богатые американцы имели обычай отдавать 10 процентов своих доходов церкви. Эта своеобразная десятина даровала им ощущение своей земной ценности и надежду на рай небесный. Сегодня обычай покупать загробное блаженство у церкви заменен обычаем покупать его же у искусства.

Существует целая иерархия музейных даров. Лучше всего, конечно, основать совершенно новый музей своего имени, такой, как, например, вашингтонский музей Хиршборна, названный так в честь Джозефа Х. Хиршборна, чья коллекция современного искусства и представлена в этом заведении культуры. Следом идет большая галерея в первом этаже какого-либо уже существующего музея. Следом — небольшие галереи в первом этаже. Затем — второй этаж, угловое помещение со стеклянными стенами. Потом — третий этаж, потом — галерейка в четвертом этаже и так далее, вплоть до того, когда этажей больше нет, и остается только спуститься в подвал, в комнатенку, где раньше хранили ведра и швабры. Сегодня музейные чуланы украшены гордыми надписями типа: «Коллекция бельгийского фаянса, изображающего донских казаков, из собрания Э. Рунси Этерварта».

Когда построили новое здание «Метрополитэн-опера», нашлось столько желающих отбелить свои деньги искусством, что скоро на каждом стуле в оркестровой яме красовались таблички: «Дар семьи Шелдона Э. Леонарда» и т. п. Эта религиозная традиция XX века ничем не отличается от традиций XVII—XVIII веков, когда каждая скамья в передних рядах церкви была украшена табличкой с именем семьи, коей она принадлежала и на коей семья восседала по воскресеньям. Когда в «Метрополитэн-опера» были исчерпаны стулья, дарители перешли в фойе, где скупали, надписывали и дарили колонны. Говоря о колоннах, я не имею в виду колонны, украшенные коринфскими капите-

лями и прочей красотой. Я говорю о честных прямых бетонных столбах, поддерживающих потолок. Когда и колонн не хватило, дарители начали подписывать решетки батарей центрального отопления и фонтанчики для питья.

Были времена, когда преуспевающие, образованные люди в Америке вывешивали в передних кресты и распятия. Это были знаки не только религиозной принадлежности, но и соответствующего воспитания, культурного уровня. Сегодняшний стандартный символ благочестивости — картина художника-абстракциониста. Живописное полотно — вот икона в гостиной образованного человека.

Недалеко ушли те времена, когда церковную десятину платил и американский бизнес. На Среднем Западе, на Юге, в местах, населенных так называемыми неортодоксальными протестантами, если человек жаждал достичь высокого положения помощника управляющего большим магазином, он ходил молиться в пресвитерианскую, лютеранскую или реформатскую церковь своей общины. Это было признаком добропорядочности. Это было совершенно необходимо. Бизнес возносил молитвы при всем честном народе, против чего, как известно, предостерегал Христос, считая лицемерами тех, кто молится прилюдно.

Что же сегодня делают корпорации, когда приходит им срок доказать свою благочестивость? Они вкладывают деньги в искусство. Чем хуже пахнут доходы корпорации, тем охотнее она вкладывает часть их в искусство и тем охотнее она распространяется об этих своих вложениях. Например, энергетический кризис семидесятых был самым благоприятным периодом в истории «Паблик броудкастинг сервис». Чем громче обвинялись нефтяные компании в эксплуатации, в бесстыдной погоне за прибылями, тем настойчивее эти компании снабжали деньгами различные телепередачи по культуре. Чуть ли не каждая передача кончалась титрами: «Подготовка данной программы стала возможной с помощью субсидии, любезно предоставленной фирмой «Экксон», или «Мобил ойл», или АРКО». Один из королей порнографии, Хью Хефнер, передал свой чикагский особняк, по самым скромным подсчетам тянущий на три миллиона долларов, институту искусств. Уверен, что и остальные торговцы похабщиной устремятся вслед за ним узаконивать свои богатства, принося благочестивые дары на алтарь Искусства. Потому что, если бы они делали такие же дары церкви, они выглядели бы кающимися грешниками, что заставило бы потребителей их товара усомниться в себе самих.

Ясно, что при подобном подходе к искусству растет значение тех, кто населяет мир искусства. Если говорить о размерах этого мира, то он не больше деревни. В США моду в искусстве делают приблизительно тысячи три человек, причем две с половиной тысячи из них живут на Манхэттене. На нынешний день я не могу припомнить имени ни одного по-настоящему мыслящего и влиятельного критика. Ведь публика, посетители музеев — они вообще у нас никогда не принимались в расчет. Мы и наши эстетические вкусы отданы на откуп нескольким торговцам, кураторам картинных галерей и группке художников. Прежде художники, чтобы заработать на хлеб, исполняли как бы служебную функцию увековечения или прославления клиентов, заказавших свои портреты. Сегодняшняя функция художника — спасение душ. Художники, торговцы картинами, кураторы музеев — это сегодняшнее духовенство, те, кому доверено отправление религиозных обрядов.

Но в нынешний век клерикального подхода к искусству верующий в искусство клиент не волен сам выбирать объект, призванный спасти его душу. Все, что от него требуется,— выйти на шаг вперед и протянуть чек. Большие корпорации обычно нанимают в «большой деревне» кураторов для того, чтобы именно они, кураторы, приобретали для корпораций произведения искусства. (У слова «куратор» тот же корень, что и у слова «кюре». Кюре — католический священник, которого в прежние века нанимали богатые европейские помещики для отправления ежедневных служб в своих поместьях. И это не просто игра словами.) На роль новых кюре корпорации нанимают, как правило, музейных работников, критиков или торговцев, людей, посвятивших себя не столько искусству как таковому или истории искусства, сколько различным теориям и «измам», престижным в мире искусств.

Компании покупают произведения искусства вовсе не потому, что они нравятся руководству, работникам или клиентам: это они считают абсолютно бессмысленной тратой. Главное — «отбелить» деньги. Компания «Сиба-Джейджи» по производству химических удобрений поначалу пустилась в собирательство произведений самых разных школ и направлений, но потом поняла, что от подобной практики никакой выгоды, кроме эстетической, не будет. И «Сиба-Джейджи» выписала из Швейцарии (!) искусствоведа, который начал приобретать для нее только полотна абстракционистов-экспрессионистов. Сие начинание было сочтено поразительно полезным, поскольку на эстетические достоинства коллекции наплевать абсолютно всем: от руководства компании до фермеров — потребителей удобрений.

Вера в кураторов безгранична. Руководствуясь ею, корпорация по производству компьютеров Ай-би-эм установила перед своим корпусом на Мэдисон-авеню скульптуру «Левитирующая масса» — металлический резервуар площадью 8 на 4 метра, в котором содержится вода и глыба мрамора. Скульптура не имеет никакой связи с производимой Ай-би-эм продукцией, с эстетической точки зрения она не имеет никакого смысла ни для руководства корпорации, ни для ее работников, ни для клиентов, ни для тысяч ежедневно проходящих мимо нее пешеходов. Но отрешимся от подобной старомодной точки зрения: «Левитирующая масса» — классический пример обожествления «произведений искусства».

Именно в области монументальной скульптуры «искусство как религия» внесло самый весомый вклад в человеческую комедию. Сто лет назад ни у кого не возникало сомнений в причинах, побудивших городские власти установить на площади какую-либо скульптуру. Как правило, она была призвана прославлять идеалы или победы путем воплощения их в знакомые фигуры и символы или же увековечить некую персону или группу людей, которые за свое прославление заплатили. Деньгами. Город, в котором я вырос, Ричмонд, штат Виргиния, был во времена гражданской войны (1861—1863 годов.— *Ред.*) столицей конфедерации. После войны генерал Ли приобрел на Юге, и особенно в Ричмонде, статус святого. В 1888 году город заказал конную статую Ли высотой в шестиэтажный дом. В 1890 году статую привезли на пароходе, и в порт встречать ее примчался весь город. Мужчины Ричмонда скинули полосатые пиджаки, засучили рукава и на руках протащили генерала Ли и его лошадь по кличке Путешественник вверх по двухмильному склону, где Ли с лошадью стоят и по сей день. Потом мужчины города отошли на почтительное расстояние, вскричали «ура!» и зарыдали. Вот что значила еще сто лет назад конная статуя.

Иные скульптуры, как я уже говорил, просто призваны были восславить того, на чьи деньги было построено здание, перед которым устанавливалась скульптура. Мой любимый образец такого рода — статуя Джеймса Буканана Дьюка, основателя «Америкэн тобэкко компани», что стоит на главной площади Университета имени Дьюка же. Дьюк вольно оперся на трость, выпятил гордый животик, на лице довольство, в руке сигара. Эта статуя просто очаровательна, и смысл ее: «Он сделал на табаке чертовски хорошие деньги, на часть из них построил этот университет, он любил хорошие сигары, и вот почему он здесь стоит!» Честно и откровенно.

Вот какие были раньше монументы. Незадолго до второй мировой войны семейство Рокфеллеров воздвигло монумент самим себе, известный как Рокфеллеровский центр. Огромное здание, украшенное двумя гигантскими скульптурами (и множеством малых, и барельефами также). Первая, позолоченная статуя Прометея была установлена в центре площадки для катания на роликовых коньках. Вторая стояла перед входом с Пятой авеню. Автор Ли Лаури создал стилизованную скульптуру Атланта, держащего шар земной. В то время мифологические сюжеты были в большом ходу, и смысл этих двух был вполне ясен: Рокфеллеры и весь американский бизнес сильны, как Атлант, и дерзки, как Прометей.

Но что потом стряслось с рокфеллеровскими представлениями о монументальной скульптуре? Главный корпус рокфеллеровского «Чейз Манхэттен бэнк» был первым стеклянным небоскребом на Уолл-стрит. Перед ним на унылой каменной площадке установлена скульптура Жана Дюбюффе. Она сделана из бетона и представляет собой четыре сросшиеся в непонятную массу табуретки, разрисованные по краям черными полосами. Это называется «Группа из четырех деревьев» — даже не «Группа из четырех Рокфеллеров». В конце концов, в момент воздвижения скульптуры Рокфеллеров действительно было четверо: Дэвид, Джон Д. Третий, Нельсон и Лоранс.

Шесть лет спустя неподалеку построили здание «Марин Мидлэнд бэнк», еще один стеклянный небоскреб с унылейшей каменной площадкой спереди. И на этой площадке воздвигли произведение Исаму Ногуши. Куб, точнее говоря, ромбоэдр, с дыркой посредине. В один прекрасный день я посмотрел в дырку в надежде узреть сквозь нее хоть какой-нибудь символ банкирства: ну, к примеру, деловой кабинет, а в нем классического банкира в полосатом костюме, с гладко зачесанными волосами. Банкир по идее должен был бы указывать перстом куда-то вверх и кричать о просроченных закладных. Вместо того я увидел девушку, скорее всего стенографистку, высунув язык, она вдевала в левое ухо серьгу с феминистской символикой. Ну и что означает этот куб Ногуши? Ничего, кроме того, что он объект поклонения новой религии.

Несомненно, иные корпорации и не желают, чтобы их истинное лицо было выражено в какой-либо форме, даже скульптурной, поскольку сознают, что их цели зачастую не только не благородны, но и не полезны ни в коей мере. Насколько проще, конечно, сделать благолепный жест и водрузить некую вещь в себе того же Ногуши! Этот тип абстрактной монументальной скульптуры получил с легкой руки одного архитектора кличку «штучка на площадке». Архитектор выразился так: «Мне в принципе наплевать на то, что они строят ужасающие стеклянные ящики. Но почему, построив, они оставляют после себя эти каменные штучки?»

Если богачи желают видеть перед своими дворцами в качестве религиозного символа «штучки» — бог с ними, их дело. Но что, если на «штучки» тратятся общественные деньги, деньги налогоплательщиков? Тогда фарс выглядит не столь уж невинно.

Веселье началось с конкурса на создание мемориала Франклина Делано Рузвельта. В 1955 году конгресс учредил специальную комиссию, а она, в свою очередь, жюри из кураторов искусства. Каждый американец, переживший великую депрессию и вторую мировую войну, имел точное представление, каким должен быть памятник Рузвельту: он должен был походить на Рузвельта. Американцы хотели видеть и знакомую усмешку, и чуть выдающуюся вперед нижнюю челюсть, и зажатый в зубах сигаретный мундштук. А что они получили? Жюри выбрало проект скульптора-модерниста Хобермана: восемь белых мраморных прямоугольников, иные из них по 60 метров высотой. Это был не памятник Франклину Делано Рузвельту — это был памятник Искусству! Семья Рузвельта и конгресс поначалу оторопели, потом, и довольно скоро, впали в ярость. Журналисты немедленно окрестили проект «Быстрорастворимым Стоунхенджем» [1], комиссия конгресса потребовала проекты остальных пяти финалистов. Выбирать было не из чего: и эти варианты были абстрактными. Мемориал Рузвельту не создан и по сей день.

Затем опера-буфф повторялась с удручающей регулярностью. Например, власти города Хартфорда решили подтвердить его репутацию «Афин центральной части новой Англии» при помощи чего-нибудь монументального. Прибегли к обычной уже процедуре: набрали штат «экспертов», то есть служителей культа «искусство ради искусства». И вот в один прекрасный день 1978 года в центр города Хартфорда прибыл на грузовике человек по имени Карл Андре. В грузовике лежало 36 валунов. Не обработанных валунов, даже не отполированных валунов — нет, просто 36 больших каменюк. Андре сгрузил валуны на газон, расположив по три в ряд. А потом представил городскому совету счет на 87 тысяч долларов. Ошарашенные, потом, и очень скоро, впавшие в ярость горожане обозвали членов городского совета идиотами, в то время как члены городского совета сокрушенно хлопали себя ладонями по различным частям головы (как бы лепя воображаемые снежки). И все же дали «добро» на выплату, а булыжники, простите, скульптура, названная «Каменным полем», и доныне валяется на траве.

Одним прекрасным днем 1981 года служащие «Джавитс федерал билдинг» на Манхэттене высыпали из здания, надеясь, как обычно, пересечь площадь, чтобы получить в час ленча в кафе напротив привычную треску в тесте или что-нибудь диетическое. Не тут-то было. Площадь перегораживала — и тянулась далее на целый квартал — черная стальная стена в полтора метра высотой. Ошарашенные, потом, и очень скоро, разъяренные служащие — тысяча триста их было — подписали петицию в совет федеральной программы «Искусство в архитектуре» с просьбой убрать препятствие. В ответ их любезно проинформировали, что это никакое не препятствие, а произведение искусства, названное его создателем, знаменитым американским скульптором Ричардом Серрой, «Опрокинутая арка». Серра немногим помог делу, пояснив, что он «переоформил пространство», чтобы случившиеся на этом пространстве обыватели «смогли избавиться от фальшивых ценностей, навязанных им рекламой».

Публика не видит ничего, ну абсолютно ничего во всех этих каменных полях, перевернутых арках, быстрорастворимых Стоунхенджах, потому что в них просто ничего нет. Они созданы вовсе не для того, чтобы их разглядывали: в них заключен тайный смысл новой религии. Кто-либо может задаться вопросом: а что сами последователи этой религии видят в подобных объектах? Лучше этого не делать, потому что в таком случае мы потонем в доктринах столь же неудобопонятных, как темны были споры средневековых схоластов.

А недоумение или протест публики воспринимаются как мерило художественной ценности. Когда обитатели нового здания федерального суда в Балтиморе возмутились при виде установленной перед ним скульптуры, создатель Джордж Шугармэн сказал: «А разве противоречивость не есть основа современного искусства?» Лет сорок назад критик Клемент Гринберг произнес: «Все по-настоящему современное искусство прежде всего безобразно». Короче говоря, если произведение задевает вас за душу — оно просто неплохое, если же вызывает отвращение — оно великое.

Публика недоумевает, потом, и очень скоро, впадает в ярость, а затем чувствует себя как-то очень неловко. Ведь действительно, если такие произведения имеют смысл для образованных классов, а вы в них смысла не видите, что можно сказать о вашем культурном уровне? С 1975 года посещаемость музеев в США выросла с 42 до 60 миллионов человек в год. Почему? В 1980 году музей Хиршборна провел анкетирование посетителей. Результаты, на мой взгляд, восхитительны. 36 процентов сказали, что пришли сюда, чтобы побольше узнать о современном искусстве. 30 процентов — чтобы узнать об определенном художнике-модернисте. 13 процентов — с экскурсиями. И лишь 15 процентов назвали обычную прежде цель посещения всех музеев и галерей: наслаждение картинами и скульптурой. Сегодня цель посещений совсем иная. Сегодня ходят, чтобы просветиться и увидеть божественный свет. Как говорили посетители музея Хиршборна: «Я читал, что это великое произведение искусства, но, как ни старался, я его не понял, и теперь чувствую себя таким неинтеллигентным!» Или: «Теперь, после музея, я гораздо больше знаю о современном искусстве и гораздо хуже думаю о себе».

Другими словами: «Я верую, о боже, но я столь недостоин. Причасти меня своих тайн!»

Перевела с английского Н. РУДНИЦКАЯ

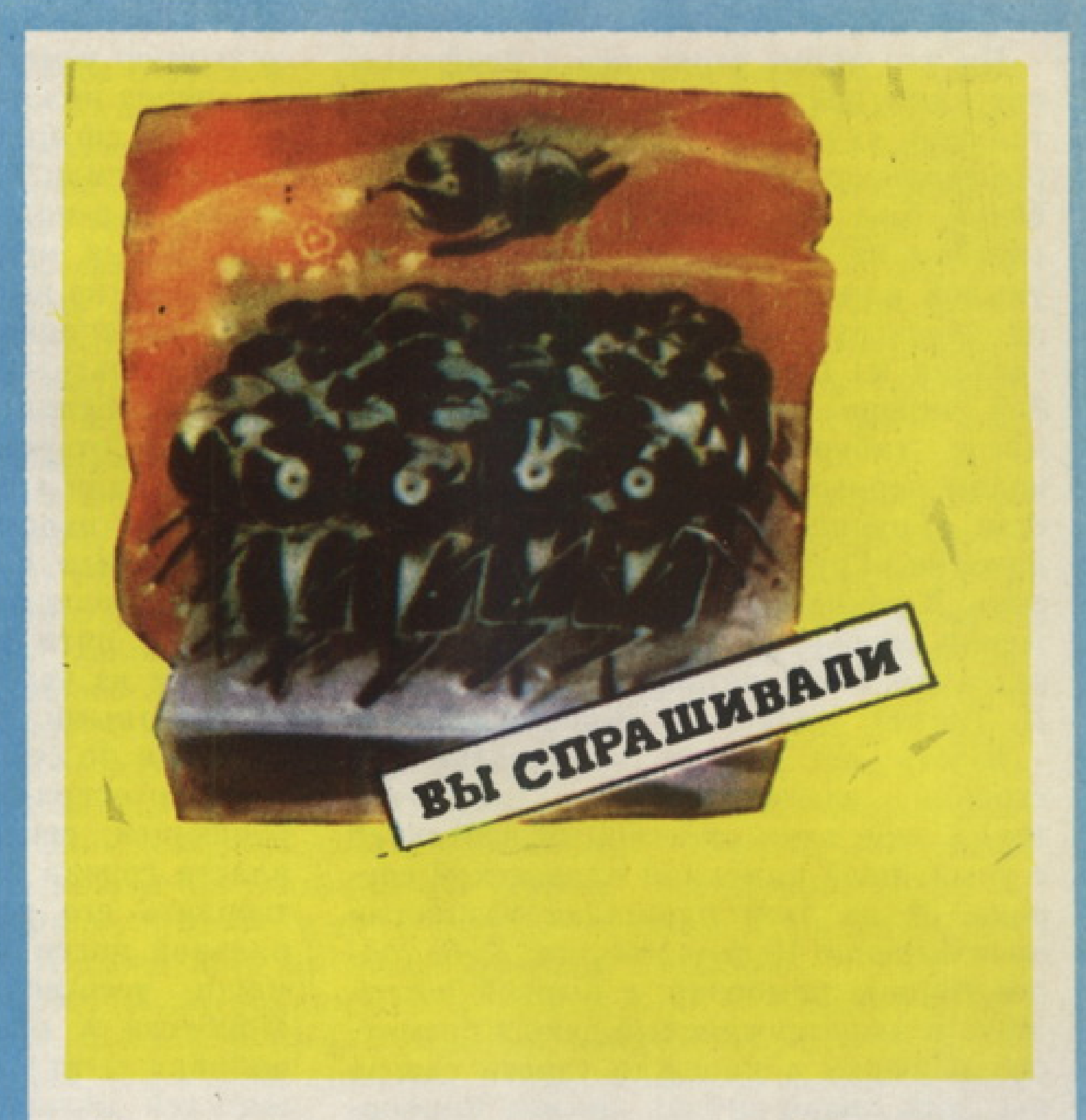
[1] *Стоунхендж — доисторическое сооружение (датируется примерно 1900—1600 гг. до н. э.), состоящее из огромных, отдельно стоящих каменных глыб. Служило для ритуальных церемоний древних племен, населявших Великобританию.— Прим. ред.*

ПОЛГОРОДА, 8 ТЫСЯЧ ЛЕЙДЕНЦЕВ, вышли встречать победителя Уимблдонского турнира, 17-летнего Бориса Беккера. Самый молодой победитель в истории этого самого престижного турнира и первый чемпион из ФРГ, Беккер—загадка для спортивных знатоков и журналистов. Большинство пока что предпочитает осторожность: хотя теннисный талант несомненен, все же главное в Беккере, считают они,— молодость, неуемная жажда игры и раскованность. А крохотный городок, которого и на карте нет, встречал своего героя пушечной канонадой, фанфарами, музыкой его любимых «Дип перпл» и тысячами кренделей в форме двух Б.

«ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЗАСТАВЛЯЕТ СМЕЯТЬСЯ» — так озаглавил статью о предстоящих гастролях советского цирка английский журнал «Санди таймс мэгэзин». Корреспонденты журнала — организатор гастролей Виктория Чарлтон и знаменитый фотограф, даже лорд, Сноудон — заранее отправились в СССР, чтобы сделать очерк и подготовить свою публику к (цитируем.— *Ред.*) «прибытию Олега Попова, величайшего клоуна в мире, и труппы, которая способна создать величайшее шоу». Английские организаторы гастролей понимали, что подготовка нужна: «У нас уже почти никто не ходит в цирк: труппы в упадке, хороших номеров почти нет, циркачи сворачивают шатры. Но вот придут русские и принесут нам доброту, искренность, смелость и гордый вызов, все то, чего так нам в жизни не хватает. Может, после этого и в Англии вновь вырастут разноцветные шатры».

Почта часто приносит письма с просьбой рассказать об английском ансамбле «Куин». Это вызывает некоторое удивление, поскольку «Куин» — типичная группа 70-х годов, сформировавшаяся под влиянием «тяжелого рока» тогда, когда многие наши читатели были еще в детсадовском возрасте. И за то время, пока читатели взрослели, группа менялась мало. «Куин» можно сравнить с автомобилем последнего образца, более совершенным и изысканным, но, к сожалению, лишенным простоты первых моделей»,— считает французский журнал «Рок э фольк». В 1982 году «Ровесник» уже писал, что ансамбль, почувствовав, что находится в тупике, состава не изменил, зато постарался приспособиться к требованиям новой волны: их музыка стала более жесткой, ритмичной.

Первый диск «Куин», напомним, появился в 1973 году. И каждый последующий был лишь «усовершенствованным вариантом» предыдущего. Однако на пластинках «Игра» (1980) и «Горячее пространство» (1982) явно заметно влияние негритянской музыки «фанк». Одни усмотрели в этом стремление музыкантов уйти от надоевших стереотипов и отмечали по-новому раскрывшуюся ритм-секцию ансамбля (бас-гитарист Джон Дикон и барабанщик Роджер Тэйлор). Другие обвинили «Куин» в том, что они стали превращаться в заурядную танцевальную группу. Этот упрек, видимо, показался музыкантам обидным, потому что следующий диск «Произведения» стал возвращением «Куин» к привычной манере: танцевать под их музыку невозможно из-за обилия гитарных соло Брайана Мэя и вокальных выкрутасов Фредди Меркьюри, густо сдобренных разного рода «чудесами» звукового наложения. Честно говоря, слушать это тоже трудно.

Из последних событий в жизни «Куин» можно упомянуть следующие: нынешней весной появилась сольная пластинка Фредди Меркьюри. Роджер Тэйлор, ставший к тому же продюсером трех мало кому известных групп, вместе с Джоном Диконом участвовал в записи нового альбома Элтона Джона. Брайан Мэй, которого иногда называют «мозговым центром группы», решил, видимо, немного отвлечься и занялся производством гитар, которые так и называются «Брайан Мэй».

ТАИНСТВЕННАЯ СВЯЗЬ издавна существует между человеком и дельфином, но еще таинственнее возникновение связи между дельфинами и мафией. Швейцарская полиция недавно установила, что такая связь все же существует. Бруно Лейнхардту, владельцу «Дельфиньего шоу», артистов требуется много: условия, в которых он их содержит, ведут к быстрой гибели животных. На помощь ему пришла тайваньская мафия. Мафиози отвлеклись от своих прямых обязанностей — торговли наркотиками, убийств и проч.,— натянули ласты и приступили к ловле. Часть будущих артистов погибает уже в момент отлова. Уцелевших доставляют в аэропорт в узких носилках, и, если дельфин начинает биться, на него натягивают специальную смирительную рубашку. Во время полета наши «меньшие братья» гибнут от нестерпимого для них шума. Наконец, наиболее сильные и удачливые добираются до дельфинария, но тут за дело берется «дрессировщик» Бруно Лейнхардт. Впрочем, все бы так и шло: ученым ведь еще не удалось расшифровать «дельфиний» язык. Проговорился кто-то из мафиози, попавшись на «прямых обязанностях».

50 КИЛОМЕТРОВ В СЕКУНДУ — примерно с такой скоростью спешит к Земле комета Галлея, и такая поспешность небесного бродяги весьма огорчает американских промышленников и торговцев. Пока направляются к комете исследовательские ракеты, пока готовится к встрече научный мир, бизнесмены Америки дали старт собственной экспедиции. Стартовую кнопку еще в 1983 году нажал торговец из Питтсбурга Оуэн Райан, основавший «Дженерал кометс индастриз» и объявивший себя «официальным представителем кометы Галлея». Книги, майки, шапочки, открытки, шоколадки, вина, бутерброды и даже слабительные пилюли — все теперь «проштамповано» изображением кометы. «Но уж слишком быстро она летит,— сетует «пионер космической торговли» Райан.— Хорошо бы немного ее притормозить».

А ЧТО РИСУЮТ? «Не так уж все плохо: один лес вырубают, зато подрастает другой».

«Штерн», Гамбург

ПОД СИНИМ НЕБОМ АРГЕНТИНЫ... бродят аргентинские пингвины. Потому что некоторые разновидности этих полярных, в нашем представлении, птиц предпочитают умеренное тепло. В Патагонии откладывают яйца и выводят птенцов магеллановы пингвины, красивые птицы ростом до 70 сантиметров, одетые в элегантные фраки. Уникальное место, выбранное этими чудаками для гнездовий,— пустыня — три года назад объявлено заповедником; ученые подсчитали, что в сезон здесь собирается до двух миллионов пернатых франтов.

НЕВЕРОЯТНАЯ КРАЖА

Рис. В. РЫЖОВА

Агата КРИСТИ,
английская писательница

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Пуаро сидел в кресле, задумчиво уставившись в потолок, затем вынул маленькую записную книжку, раскрыл чистую страницу и написал:

«Миссис Вандерлин?
Леди Джулия Каррингтон?
Миссис Макатта?
Регги Каррингтон?
Мистер Карлайл?»

Пониже он написал:

«Миссис Вандерлин и мистер Регги Каррингтон?
Миссис Вандерлин и леди Джулия?
Миссис Вандерлин и мистер Карлайл?»

Он покачал головой с недовольным видом. Потом написал еще несколько фраз:

«Видел ли лорд Мэйфилд «тень»? Если нет, почему он сказал, что видел? Видел ли что-нибудь сэр Джордж? Он стал уверять, что ничего не видел, *после* того, как я осмотрел клумбу. Примечание: лорд Мэйфилд близорук, может читать без очков, но надевает монокль, чтобы рассмотреть предмет в другом конце комнаты. Сэр Джордж дальнозоркий. Поскольку они находились в самом конце террасы, его зрению можно доверять больше, чем зрению лорда Мэйфилда. Между тем лорд Мэйфилд настаивает, что он видел что-то, и слова друга его не поколебали.

Может ли кто-нибудь быть настолько вне подозрений, как мистер Карлайл? Лорд Мэйфилд категорически утверждает, что он невиновен. Слишком категорически. Почему? Потому что он втайне подозревает его и стыдится своих подозрений? Или потому, что он определенно подозревает кого-то другого? Другого, но не миссис Вандерлин?»

Он спрятал записную книжку, встал и направился в кабинет.

Продолжение. Начало см. в № 8—10 за 1985 год.

5

Лорд Мэйфилд сидел у письменного стола.

— Ну как, побеседовали с Каррингтоном?

— Да, лорд Мэйфилд. Он помог мне разрешить вопрос, над которым я ломал голову.

— Какой же это вопрос?

— Почему здесь миссис Вандерлин? Видите ли...

Мэйфилд быстро понял причину несколько преувеличенного смущения Пуаро.

— Вы думали, что я неравнодушен к этой даме? Отнюдь нет! Забавно, что Каррингтон подумал то же самое.

— Да, он рассказал мне о разговоре с вами.

— Мой небольшой план не удался,— сказал лорд Мэйфилд уныло.— Всегда неприятно признавать, что женщина одержала над тобой верх.

— Да, но она *пока еще* не одержала верх.

— Вы думаете, мы можем выиграть? Очень рад услышать это от вас. Хотелось бы, чтобы это было так.— Он вздохнул.— Я был так доволен своим планом: поймать эту даму в ловушку.

Закурив одну из своих маленьких сигарет, Пуаро спросил:

— В чем именно состоял ваш план, лорд Мэйфилд?

— Видите ли,— замялся Мэйфилд,— я не продумал деталей.

— Вы не обсуждали его ни с кем?

— Нет.

— Даже с мистером Карлайлом?

— Нет.

Пуаро улыбнулся.

— Вы предпочитаете действовать в одиночку, лорд Мэйфилд.

— Я часто убеждался в том, что это лучший способ,— ответил тот довольно мрачно.

— Да, вы поступаете мудро. Никому не доверяете. Но вы все-таки рассказали о своем намерении сэру Джорджу Каррингтону!

— Я видел, что этот милейший человек серьезно встревожен из-за меня, только поэтому.

И лорд Мэйфилд улыбнулся.

— Он ваш старый друг?

— Да. Я знаю его более двадцати лет.

— А его жену?

— Его жену тоже, конечно.

— Но, извините меня, если я нескромен, вы с ней менее близки?

— Не понимаю, какое касательство могут иметь мои личные отношения с людьми к делу, которое нас интересует!

— А я полагаю, лорд Мэйфилд, что они могут иметь самое прямое касательство. Вы ведь согласились с тем, что моя версия о человеке в гостиной правдоподобна. И если моя версия верна, то кто бы, по-вашему, это мог быть?

— Очевидно, миссис Вандерлин. Однажды она уже возвращалась туда за книгой. Могла вернуться за другой книгой, или за сумочкой, или за оброненным платком — у женщин всегда найдется десяток предлогов. Она договорилась с горничной, чтобы та закричала и тем самым выманила Карлайла из кабинета. Затем она пробралась туда и обратно через террасу, как вы сказали.

— Вы забываете, что это не могла быть миссис Вандерлин. Карлайл слышал, как она позвала горничную, когда он разговаривал с девушкой.

Лорд Мэйфилд закусил губу. На лице его было написано раздражение.

— Верно, я забыл об этом.

— Вот видите,— мягко сказал Пуаро.— Мы продвигаемся вперед. Вначале у нас было простое объяснение, что вор вошел снаружи и убежал с добычей. Очень удобное объяснение, как я уже говорил, слишком удобное, чтобы в него поверить. Мы его отбросили. Затем мы переходим к версии иностранного агента — миссис Вандерлин, и опять-таки как будто все сходится — до определенного момента. Но теперь создается впечатление, что и эта версия тоже слишком проста, слишком удобна.

— Вы склонны совершенно исключить миссис Вандерлин?

— В гостиной находился кто-то другой, не миссис Вандерлин. Возможно, кражу совершил ее союзник, но вполне вероятно, что это был человек, не имеющий к ней отношения. Если это так, нам нужно подумать о мотиве.

— Не слишком ли это притянуто за уши?

— Не думаю. Итак, какой здесь возможен мотив? Прежде всего деньги. Это самое простое объяснение. Но возможен мотив совсем иного рода.

— Например?

Пуаро медленно произнес:

— Например, чтобы повредить кому-нибудь.

— Кому?

— Быть может, мистеру Карлайлу. На него скорее всего могло пасть подозрение. Но дело может быть более серьезным. Люди, от которых зависят судьбы страны, лорд Мэйфилд, особенно чувствительны к недовольству общественности.

— Вы хотите сказать, что кража была совершена с намерением повредить мне?

Пуаро кивнул.

— Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что около пяти лет назад у вас были довольно серьезные неприятности. Вас заподозрили в дружественных отношениях с одной европейской страной, которая в ту пору была крайне непопулярна среди избирателей.

— Совершенно верно, господин Пуаро.

— Ходили слухи, что вы заключили соглашение с этой страной. Публика и газеты подняли шумиху. К счастью, премьер-министр категорически опроверг эти слухи, вы также их отвергли, хотя не делали секрета из того, кому симпатизируете.

— Все это совершенно верно, господин Пуаро, но к чему ворошить прошлое?

— Я считаю возможным, что враг, разочарованный тем, что вам удалось преодолеть тот кризис, может попытаться создать для вас новый. Ведь вы теперь заслуженно считаетесь одним из самых популярных деятелей на политической арене. Вас даже прочат в премьер-министры!

— Вы думаете, что меня пытаются дискредитировать? Вздор!

— О, лорд Мэйфилд, вы же понимаете, какое создалось бы впечатление, если бы стало известно, что чертеж нового английского бомбардировщика был похищен во время уик-энда, когда вашей гостьей была некая очаровательная леди. Намеки в газетах на ваши отношения с этой леди вызвали бы недоверие к вам.

— Подобные вещи не могут восприниматься всерьез.

— Мой дорогой, вы прекрасно знаете, что могут. Так мало надо, чтобы подорвать доверие к политическому деятелю.

— Да, это так,— сказал лорд Мэйфилд. На лице его внезапно появилось очень озабоченное выражение.— Какой невероятно сложной становится эта история. Вы действительно думаете... Но это невозможно... Невозможно!

— Во всяком случае, вы должны признать, что мои вопросы о ваших отношениях с гостями, находящимися в доме, не совсем лишены связи со случившимся.

— Что ж, пожалуй. Вы спрашивали меня о Джулии Каррингтон. Мне почти нечего сказать. Я никогда особенно ей не симпатизировал и не думаю, что она расположена ко мне. Это беспокойная, нервная и безрассудно экстравагантная женщина, помешанная на картах. Она настолько старомодна, что, наверное, презирает меня, считает выскочкой.

Пуаро сказал:

— Перед тем как ехать сюда, я заглянул в «Кто есть кто»[1]. Вы первоклассный инженер и были главой известной машиностроительной фирмы.

— Да, это так.

— О-ля-ля! — воскликнул Пуаро.— Я просто дурак, настоящий дурак!

Собеседник посмотрел на него с удивлением.

— Простите, господин Пуаро?

— Мне стала ясна часть головоломки. Деталь, которую я не улавливал раньше... Ну, конечно, все сходится. Да, сходится поразительно!

Лорд Мэйфилд смотрел вопросительно. Но Пуаро с улыбкой покачал головой.

— Нет, нет, не сейчас. Я должен более тщательно все продумать.— Он встал.— Спокойной ночи, лорд Мэйфилд. Я думаю, что знаю, где находится чертеж.

Лорд Мэйфилд вскричал:

— Вы знаете? Тогда давайте сейчас же заберем его!

Пуаро покачал головой.

— Нет, нет, нельзя. Поспешность была бы гибельной. Предоставьте все Эркюлю Пуаро.

6

— Если произошло ограбление, какого черта старик Мэйфилд не посылает за полицией? — спросил Регги Каррингтон. Он слегка отодвинул стул от стола, за которым завтракал.

Регги спустился последним. Хозяин дома, миссис Макатта и сэр Джордж уже кончили завтрак. Мать Регги и миссис Вандерлин завтракали в постели.

Сэр Джордж рассказал о случившемся в таком духе, как он договорился с лордом Мэйфилдом и Эркюлем Пуаро, но чувствовал, что справляется с задачей не самым лучшим образом.

— Что за странная идея послать за этим чудаком иностранцем! — недоумевал Регги.— А что украдено, отец?

— Регги, я не могу сказать тебе этого.

— А-а, страшный секрет? Понятно.

Регги начал подниматься по лестнице, остановился на минуту, нахмурился, пóтом все-таки прошел наверх и постучал в дверь к матери.

Леди Джулия сидела в постели и писала столбики цифр на обратной стороне конверта.

— Доброе утро, милый.— Она подняла глаза и спросила с тревогой: — Что-нибудь случилось, Регги?

— Ничего особенного, но, кажется, вчера вечером произошла кража.

— Кража? А что украли?

— Я не знаю. Из этого делают страшный секрет. Там внизу какой-то чуднóй частный детектив расспрашивает всех.

— А что же все-таки произошло?

— Не знаю. Это случилось после того, как мы все пошли спать. Осторожно, мама, уронишь поднос.

Он подхватил поднос и отнес его к столику возле окна.

— И что же, деньги украли?

— Говорю тебе, я не знаю.

— И этот сыщик всем задает вопросы? «Где вы были вчера вечером?» И прочее в таком же роде?

— Наверное. Что до меня, то мне нечего ему сказать. Я сразу пошел спать и почти тут же заснул.

Леди Джулия не ответила.

— Вот что, мама, ты не могла бы одолжить мне немного денег? Я абсолютно без гроша.

— Нет, не могу,— решительно ответила мать.— Я сама растратила уйму. Не знаю, что скажет твой отец, когда узнает.

В дверь постучали, и вошел сэр Джордж.

— А, ты здесь, Регги. Не спустишься ли в библиотеку? Господин Эркюль Пуаро хочет поговорить с тобой.

Пуаро только что закончил беседу с грозной миссис Ма-

[1] *«Кто есть кто» — биографический справочник.— Прим. пер.*

каттой. Нескольких кратких вопросов было достаточно, чтобы выяснить, что миссис Макатта отправилась спать около 11 часов вечера и не видела и не слышала ничего, что могло бы ему помочь. Пуаро ловко перевел разговор с кражи на персональные темы. Он восхищается лордом Мэйфилдом: он считает лорда Мэйфилда подлинно выдающимся человеком. Конечно, миссис Макатта как человек, вращающийся в сферах, может лучше судить об этом.

— У лорда Мэйфилда есть мозги,— согласилась миссис Макатта.— Но, пожалуй, ему не хватает проницательности. К сожалению, это относится ко всем мужчинам. Им недостает воображения. Другое дело женщины. Женщина, господин Пуаро, через десять лет станет большой силой в правительстве.

Пуаро сказал, что уверен в этом. Он незаметно перешел к обсуждению миссис Вандерлин. Верно ли, как намекают, что она и лорд Мэйфилд — близкие друзья?

— Ничего подобного. По правде говоря, я была очень удивлена, увидев ее здесь. Очень удивлена.

Пуаро спросил, какого мнения миссис Макатта о миссис Вандерлин.

— Это одна из совершенно бесполезных женщин. Паразит, до мозга костей паразит!

— Но мужчинам она нравится?

— Мужчины! — Миссис Макатта произнесла это слово с презрением.— Мужчинам только и надо, что смазливую мордашку. Да взять хоть этого мальчика, Регги Каррингтона: краснеет всякий раз, как она заговорит с ним, так и тает, стоит ей обратить на него внимание. И она ему так откровенно льстит. Хвалит его игру в бридж, а он играет далеко не блестяще.

— Он слабый игрок?

— Вчера вечером без конца делал ошибки.

— Зато леди Джулия хорошо играет, не правда ли?

— Слишком хорошо, на мой взгляд,— сказала миссис Макатта.— Настоящий профессионал. Играет утром, днем и вечером.

— Она много выигрывает?

Миссис Макатта фыркнула с пренебрежительным видом.

— Она рассчитывает отыграться и заплатить долги. Но в последнее время ей не везет, так мне говорили. Вчера вечером у нее был такой вид, будто ее что-то угнетает. Азартная игра ненамного лучше пьянства!

Пуаро, искусно прекратив разговор, послал за Регги Каррингтоном.

Когда молодой человек вошел в комнату, Пуаро окинул его оценивающим взглядом: слабовольный рот, хотя и обаятельная улыбка, нерешительный подбородок, широко расставленные глаза, довольно узкая голова. Пуаро подумал про себя, что тип Регги Каррингтона ему хорошо знаком.

— Мистер Каррингтон, пожалуйста, расскажите мне все, что можете, о вчерашнем вечере.

— Хм, что же вам сказать? Мы играли в бридж в гостиной. После этого я пошел спать.

— В котором часу?

— Около одиннадцати. Кража произошла позднее?

— Да, позднее. Вы ничего не слышали и не видели?

Регги с сожалением покачал головой.

— Я сразу лег в постель, а сплю я крепко.

— Вы прямо из гостиной отправились в спальню?

— Да.

— Любопытно, — сказал Пуаро.

Регги спросил с раздражением:

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы, например, не слышали крика?

— Нет, не слышал.

— Очень любопытно.

— Послушайте, на что вы намекаете?

— Вы, быть может, немного глуховаты?

— Конечно, нет.

Губы Пуаро зашевелились. Возможно, он в третий раз повторил слово «любопытно».

— Что ж, благодарю вас, мистер Каррингтон, это все.

Регги нерешительно переминался с ноги на ногу.

— Знаете, теперь, когда вы сказали об этом, мне кажется, я действительно слышал что-то вроде крика.

— А?

— Видите ли, я читал книжку — детектив — и до моего сознания не дошло, что это было.

— Вот как,— сказал Пуаро.— Очень убедительно.

Лицо его было непроницаемо.

Регги все еще колебался, затем повернулся и медленно направился к двери. Там он остановился и спросил:

— Кстати, что украдено?

— Кое-что, имеющее большую ценность, мистер Каррингтон. Это все, что я имею право сказать.

— Вот как! — сказал Регги с довольно растерянным видом и вышел из комнаты.

— Все сходится,— пробормотал Пуаро.— Отлично!

7

В комнату вплыла миссис Вандерлин. На ней был отлично скроенный красновато-коричневый спортивный костюм, который выгодно оттенял ее золотистые волосы. Она грациозно села и ослепительно улыбнулась маленькому человечку.

На какое-то мгновение в ее улыбке мелькнуло что-то похожее на торжество. Это выражение исчезло, но Пуаро его заметил, и ему это показалось интересным.

— Грабители? Вчера вечером? Нет, нет, я ничего не слышала! А что же полиция? Разве она не может ничего сделать? — И снова в ее глазах мелькнула насмешка.

Эркюль Пуаро подумал: «Ясно, что вы не боитесь полиции, миледи. Вы прекрасно знаете, что ее не позовут».

Он сказал сдержанно:

— Вы понимаете, мадам, это весьма щекотливое дело...

— Ну, конечно, господин Пуаро. Мне в голову не придет проговориться. Я слишком большая почитательница дорогого лорда Мэйфилда, чтобы причинить ему малейшее беспокойство.

Она положила ногу на ногу и улыбнулась заразительной улыбкой отменно здорового и довольного собой человека.

— Могу ли я чем-нибудь помочь вам?

— Вы играли в бридж в гостиной вчера вечером?

— Да.

— Насколько мне известно, после этого все дамы отправились спать, но кто-то спустился за книгой. Это были вы, миссис Вандерлин, не так ли?

— Да, я первая вернулась обратно.

— Что это значит, «первая»? — быстро спросил Пуаро.

— Я вернулась сразу же,— объяснила миссис Вандерлин.— Потом я поднялась наверх и позвонила горничной. Она долго не шла. Я снова позвонила. Потом вышла на площадку лестницы. Я услышала ее голос и позвала ее. После того как она расчесала мне волосы, я отослала ее. Она была в нервном, взвинченном состоянии, и раз или два щетка запуталась в волосах. Именно в тот момент, когда я отослала ее, я увидела, что леди Джулия поднимается по лестнице. Она сказала мне, что спускалась за книгой. Любопытно, не правда ли? — Миссис Вандерлин лукаво улыбнулась.

— Вы правы, мадам. Слышали ли вы, как кричала ваша горничная?

— Да, конечно, что-то такое я слышала.

— Вы не спрашивали ее о причине?

— Спросила. Она сказала, что видела парящую фигуру в белом — такая чушь.

— А как была одета леди Джулия в тот вечер?

— Вы, наверное, думаете... Ага, понятно. На ней действительно было белое вечернее платье. Конечно, это все объясняет. Вероятно, моя горничная увидела в темноте белую фигуру. Эти девушки так суеверны!

— Ваша горничная давно у вас?

— Нет,— миссис Вандерлин широко раскрыла глаза.— Всего месяцев пять.

— Я бы хотел поговорить с ней, мадам.

Миссис Вандерлин приподняла брови.

— Пожалуйста.

Снова насмешливый огонек в глазах.

Пуаро встал и поклонился.

— Мадам,—сказал он,—я совершенно восхищен вами.

Впервые миссис Вандерлин немного растерялась.

— О, господин Пуаро, как мило, но почему?

— Вы так великолепно вооружены, мадам, так предельно довольны собой.

Миссис Вандерлин неуверенно засмеялась.

— Не знаю, — сказала она,— должна ли я воспринимать это как комплимент.

Пуаро сказал:

— Быть может, это предостережение — не относиться к жизни слишком заносчиво.

Миссис Вандерлин засмеялась более уверенно. Она встала и протянула Пуаро руку.

— Дорогой господин Пуаро, я от души желаю вам успеха.

Окончание следует

Перевела с английского
Н. ЛОСЕВА

РОК КАК ЕСТЬ

(Очерки очевидца истории поп-музыки)

Ник КОН,
английский журналист

Боб Дилан

Боб Дилан родился в 1941 году в Миннесоте. Согласно легенде, которая вполне может быть правдой, он семь раз убегал из дома и к восемнадцати годам стал типичным бродягой — играл на гитаре, сочинял стихи и скитался по стране. В 1961 году он подался на восток и сидел у постели умирающего Вуди Гатри, удостоившись благословения патриарха народной песни.

В ту пору фолк переживал бурное развитие: появилось новое поколение молодых певцов — любимцев студенческой молодежи. Дилан вошел в их круг.

Это был странный человек. На гитаре он играл плохо, на губной гармошке тоже не блестяще. Пел он гнусавым голосом и фальшивил. Но, странное дело, этот голос гипнотизировал и потрясал вас, даже если был вам неприятен.

Его песни были направлены против войны, истэблишмента и власти денег. Взявшийся невесть откуда, этот двадцатилетний парень казался каким-то особенным. Тут же возник его культ, и вот уже поклонники объявили его гением и пророком.

Но Дилан не был просто фолксингером: помимо обычной фолковой публики, ему удалось завоевать симпатии массовой молодежной аудитории, которая раньше не интересовалась фолком. Он питал молодежь песнями, которые действительно имели какой-то смысл и выражали молодежный протест. А молодежный протест середины шестидесятых был своеобразным явлением. В прошлом, во времена Элвиса, массовый протест носил поверхностный и примитивный характер — нечто вроде кирпича, брошенного в окно: мои предки отсталые, я ненавижу их, вас тоже, а посему сейчас я вам врежу. В 1964 году этот протест стал значительно глубже, его питало презрение к американскому образу жизни и его героям.

Согласен, все это выражалось в виде наивных обобщений и непрактичных фантазий, но тем не менее имело смысл и вес, потому что так думал не только узкий круг интеллигентов, но целое поколение молодых людей.

Боб Дилан стал певцом этого нового движения, а его «На крыльях ветра» — первой антивоенной песней, попавшей в число бестселлеров. Она перевернула все представления о том, что можно и чего нельзя включать в поп-песню. Внезапно поп-сочинители поняли, что могут пойти дальше трехаккордных любовных песен. Теперь все стали писать песни, которые раньше были бы просто немыслимы, все бросились исследовать глубины философии, политики и социальной жизни. Разумеется, эти «исследования» были, как правило, абсолютной чепухой, но тем не менее они двигали поп-музыку вперед. Поп перестал означать простой шум. И все это началось с Дилана. В ту пору, когда «Битлз» были еще просто «длинноволосыми чудо-мальчиками из Мерсисайда», а «Роллинг стоунз» играли свои блюзы, Боб Дилан уже писал стихи и делал хиты, с помощью которых ему удалось совершить крупнейший со времен Элвиса переворот в поп-музыке.

По мере того как росло его влияние на поп, росло и обратное влияние: Дилан окружил себя прихлебателями, разъезжал в роскошных лимузинах, появлялся в «свете» в обществе знаменитостей, завел тесную дружбу с Джоном Ленноном — в общем делал все, что положено суперзвезде, и в довершение всего нанял себе рок-н-ролльный ансамбль, чем оттолкнул от себя многих своих друзей по фолку. Отошли от него и многие его бывшие поклонники.

Рис. С. ТЮНИНА

Как я оцениваю Дилана? Я признаю, что он оригинален, пишет хорошую музыку, остроумен, что у него красивое лицо и что его влияние на поп-музыку огромно. Почти все то новое, что затем стало в ней происходить, восходит к нему. Благодаря Дилану поп-музыка повзрослела и поумнела.

В конце концов вернее было бы сказать, что он не столько изменил рок, сколько убил одну его форму и заменил другой. И если я любил как раз ту форму, какую он убил,— что ж, вряд ли он в этом виноват.

«Роллинг стоунз»

Десять долгих лет Англия не давала хорошей поп-музыки, и вдруг появились «Битлз», «Роллинг стоунз» и «The Who», три кита, взявшиеся неизвестно откуда. Почти ежедневно появлялись новые имена, новые группы.

Окончание. Начало см. в № 4, 6, 8—10 за 1985 год.

Из ничего Лондон превратился в центр поп-мира.

Почему? Что произошло? На подобные вопросы не бывает однозначных ответов — мода, настроения, поветрия вспыхивают внезапно и не всегда поддаются объяснению. Отчасти этот феномен был вызван тем, что детям средних буржуа жилось тогда совсем не плохо, и они полагали, что и дальше все будет о'кэй. Конечно, молодых людей, пребывавших в эйфории, было не так уж много и жили они в основном в Лондоне, но много ли надо, чтобы придать поверхности наружный блеск, создать своеобразную атмосферу? Во всяком случае, наличного «немного» как раз хватало для поп-бума.

...Дело было в Ливерпуле. Я сидел в пабе около театра «Одеон» и вдруг услышал шум, похожий на раскаты грома. Я вышел на улицу, огляделся, но ничего не увидел. А шум все нарастал, гром подкатывался все ближе, но теперь к нему примешивался другой шум, похожий на вой сирены. Я стоял и ждал, что же произойдет, но улица оставалась пустынной. Наконец — спустя, наверно, минут пять — из-за угла вынырнул роскошный лимузин, за которым двигался эскорт полицейских машин, мотоциклов и пеших полисменов. За ними двигалось несколько сотен девушек-подростков. Они-то и издавали этот воющий звук, так поразивший меня. Они бежали во всю прыть, волосы лезли им в глаза. Их руки были простерты вперед, словно в мольбе. Казалось, они были в отчаянии. Лимузин шел прямо на меня и остановился как раз напротив служебного входа в «Одеон». Полицейские образовали кордон. Дверца лимузина открылась, и «Роллинг стоунз» вышли наружу — все пятеро, вместе со своим менеджером Эндрю Олдхемом. Компания производила фантастическое впечатление — волосы намного ниже плеч, одежда всех цветов, какие только можно себе представить.

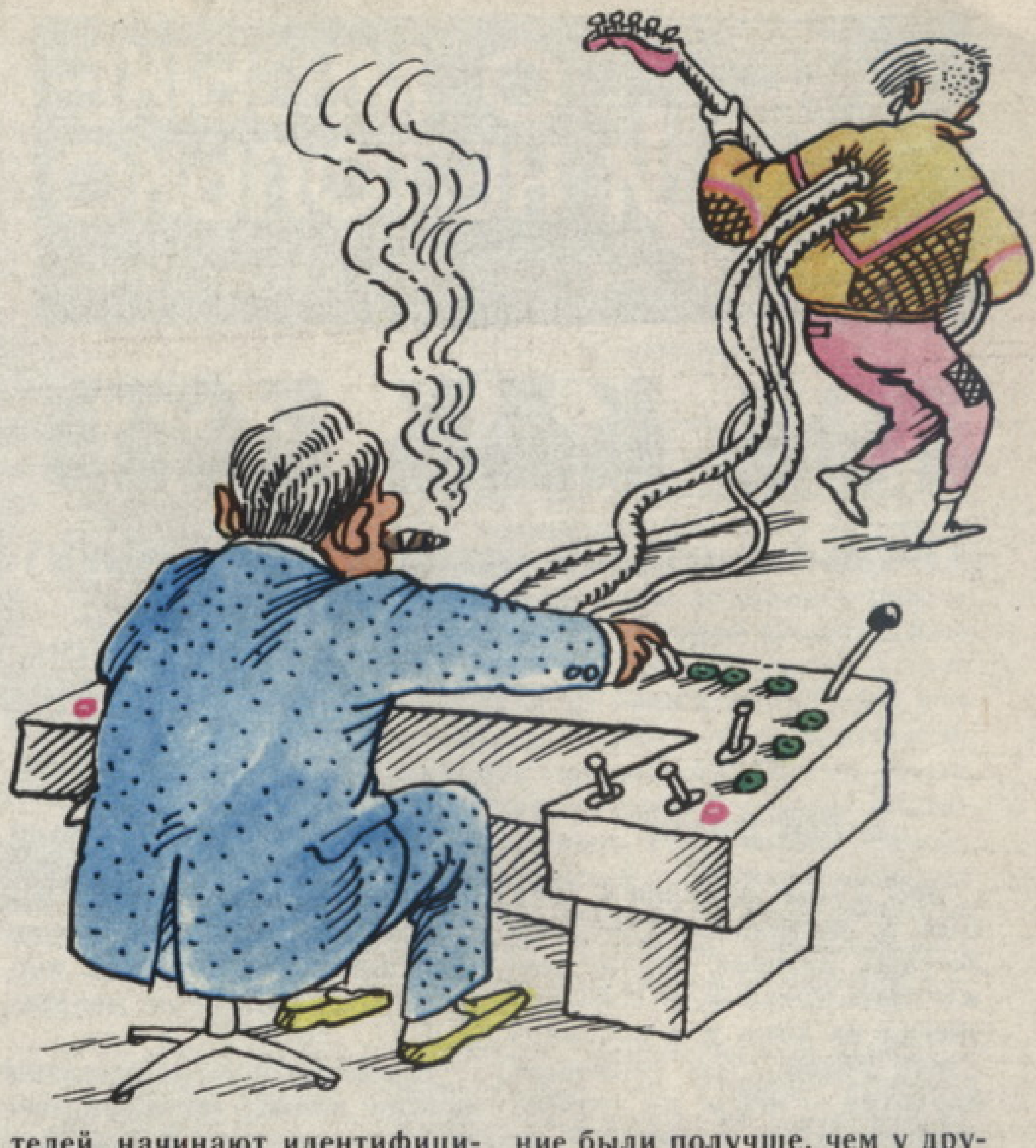
Они подошли к служебному входу и обернулись. Именно этого ждали девушки, потому что они сразу же толпой ринулись на полицейский кордон, вопя, визжа и царапаясь. Потом они как-то сразу остановились и застыли в оцепенении. «Стоунз» смотрели прямо на них неподвижным взором, ни разу не шелохнувшись, а девочки стояли, широко разинув рты. Казалось, что «Стоунз» окружены каким-то невидимым металлическим кольцом, которое их защищает. Потом они повернулись и исчезли в дверях. Там и сям раздались рыдания...

В начале своей карьеры «Стоунз» играли в Ричмонде. И делали мощный ритм-энд-блюз. Тогда они были энтузиастами и фанатиками своей музыки. Это было единственное, что их связывало, потому что они происходили из разных общественных слоев, у них были очень разные судьбы: Мик Джеггер, вокалист, принадлежал к «среднему» классу и одно время учился в Лондонской школе экономики; Кейт Ричард был обыкновенным хулиганом; Брайан Джонс был полной ему противоположностью — из «хорошей семьи»; Чарли Уотс успел поработать в рекламном бюро, впрочем, его прошлое и происхождение мало что значили: он был ударником и никогда не раскрывал рта; Билл Уайман, старший из всех, был женат и потому не очень вписывался в коллективный образ «Стоунз». Но их объединяла любовь к блюзу, и на первых порах они были очень дружны.

Итак, «Стоунз», окопавшись в Ричмонде, «торговали» там разновидностью чикагского блюза и поп-блюза. В противоположность «Битлз» они вечно суетились, спорили, нервничали. В них чувствовалась какая-то напряженность, чреватая взрывом.

Их менеджер Олдхем сделал следующее: взял у «Стоунз» все, что выпирало наружу, и раздул это в сто раз. Если «Стоунз» были длинноволосыми противными анархистами, то Олдхем удлинил им волосы и сделал их еще более противными. Он превратил их в ненавистное пугало для родителей. И все время подстрекал их быть еще необузданнее, еще грубее, еще разгульнее. Они охотно повиновались: грубили, сквернословили, изображали из себя кретинов.

Это был простой и верный психологический ход: увидев новую группу в первый раз, ребята еще не уверены, как к ней относиться, но вот они слышат, что родители ругают «этих животных», «этих грязных длинноволосых идиотов», и просто, чтобы позлить родителей, начинают идентифицировать себя с «этими животными». Отыщи себе что-нибудь такое, от чего взрослых передергивает, и в твоих руках гарантированный успех — вот основополагающая поп-формула.

В одном отношении «Роллинг стоунз» были «новаторами»: вне сцены они вели себя так же нагло, как и на сцене. Если в свете прожекторов Элвис был гнусно-похотлив, то в жизни это был примерный сын и набожный прихожанин. «Стоунз» были не такими: они выглядели гнусно, разговаривали гнусно и были гнусными.

Мелодисты они были слабые, слова их песен были примитивны, а многие записи просто хлам. По сути дела, это был один сплошной бит, создававший хаос, в котором терялись и слова, и сама песня.

С осени 1966 года «Стоунз» начали терять популярность. В основном потому, что слишком примелькались. К тому же появились новые лица, которые умудрились превзойти их «возмутительностью» поведения. Вдруг получилось так, что «Стоунз» стали выглядеть старомодными и комичными. Помимо всего прочего, они фактически разваливались как группа.

Как и следовало ожидать, шансы Джеггера на выживание были получше, чем у других. Он утвердился в роли героя международной скандальной хроники, ходит в оперу, является в некотором роде законодателем мод, позирует фоторепортерам. Теперь он не пропадет: будет сниматься в фильмах, ходить на премьеры, «гостить» на телешоу. Со временем он облысеет. Но это неважно — он устроился прочно [1].

Поп-индустрия сегодня и завтра

Американская поп-индустрия — это обособленный мир, бездумный и консервативный, заполненный пустыми песенками и не менее пустыми исполнителями. Через десять лет после Элвиса в песнях по-прежнему преобладали лунные грезы и разбитые сердца. Новые певцы в точности повторяли старых. Бизнесмены делали свое дело, диск-жокеи — свое, реклама — свое.

Изменения коснулись, пожалуй, лишь организации поп-индустрии. Поп второй половины шестидесятых годов утратил характер веселого фарса, он стал четко организованным, солидным и очень скучным. Он превра-

[1] *Джеггер не облысел, но это, пожалуй, единственное несбывшееся предсказание автора.— Прим. ред.*

тился в машину с программным управлением, движущей силой которой стал лозунг: делай деньги, пока не поздно.

Типичным продуктом этого «машинного попа» была группа «Манкиз». Вот как ее сделали. В 1966 году несколько калифорнийских бизнесменов решили поставить новую телевизионную серию для «поп-группы 66». Они не хотели использовать какой-либо известный ансамбль, ибо это было чревато финансовыми передрягами, и решили создать «явление» из ничего. Итак, они объявили конкурс. Откликнулось несколько сот молодых людей. После тщательного отсева осталось четверо. Их выбрали за своеобразную внешность, некоторые артистические способности и за то, что они чем-то напоминали «Битлз»: у одного было личико дитяти, которого хочется приласкать (Дэйви Джонс — Пол Маккартни), второй имел властный характер (Мики Доленц — Джон Леннон), третий выглядел потерянным (Питер Торк — Ринго Старр), а четвертый был нрава серьезного и выглядел очень порядочным (Майк Несмит — Джордж Харрисон). Их окрестили «Манкиз» — «Обезьянки», так как они были созданы для подражания «Битлз».

Особым умом, талантом или хотя бы красотой никто из четверки не отличался. С другой стороны, на идиотов они тоже не смахивали. «Манкиз» были очень молоды — вот все, что о них можно было сказать.

Итак, у «Манкиз» появилась своя телесерия, как, впрочем, бывало и у некоторых других групп. Существенная разница заключалась лишь в том, что они были предназначены для более юной публики — от 6 до 10 лет. Маскарадные костюмы, беспрерывные подножки и оплеухи, швыряние тортов — полный клоунский набор. Все было до крайности примитивно — и шутки, и музыка, и характеры.

Вначале «Манкиз» не были музыкантами, и на их пластинках играли подставные лица. Но какое это имело значение? Патроны нанимали для них сочинителей, аранжировщиков и продюсеров, так что они сами, можно сказать, были ни при чем. Но главное заключалось в том, что они просто не могли провалиться: их еженедельное телешоу передавалось по всей Америке, а огромная армия специалистов работала без устали. Деньги, реклама, протекция — все подталкивало их выше и выше. Им оставалось только стоять и улыбаться, что они и делали. В конце концов «Манкиз» превратились в международную индустрию и сполна вознаградили тех, кто вложил в них деньги. Они даже научились играть на своих инструментах, сочинять песни и дали несколько концертов. В общем, они оказались не такими уж бестолковыми. Но суть дела заключалась в том, что их нежданно-негаданно прорезавшиеся способности были случайностью, их могло и не быть. Будь они лишены абсолютно всякого слуха, все было бы точно так же — они все равно стали бы звездами. Они были застрахованы от неудачи.

И тут возникает вопрос: насколько запрограммированной может стать поп-музыка? Ответ ясен. Все зависит от того, как вас «сделают». Если у вас есть некоторые данные — интересная внешность, умение молоть языком — и если вы не ковыряете в носу на глазах у публики — вас пихают в телешоу с полной гарантией успеха. Если сверх того пресса надежно вас разрекламирует и вы не наделаете каких-то глупостей — можете спать абсолютно спокойно.

Впрочем, это не всегда справедливо. Вот, например, случай с неплохой группой из Калифорнии, которая специализировалась на «авангарде». Фирма «Коламбия» решила помочь ей выбиться в суперзвезды и на эти цели выделила 200 тысяч долларов. Эти деньги пошли на обычную рекламу: плакаты, значки, брошюры, статьи в журналах. Одновременно было выпущено шесть синглов. И что же вышло? Наглый обман был отвергнут публикой. Мораль сей басни такова: как и всякую другую куплю-продажу, поп-коммерцию нужно осуществлять разумно и осторожно. Лучший способ прорваться на рынок — это просто орать, быть громче, вульгарнее, наглее, чем конкуренты. К более искушенным поклонникам «авангарда» нужно подходить по-другому, здесь нужна осторожность, интеллектуальность, намеки на то, что только самые утонченные умы способны оценить предлагаемый товар. При таком подходе интеллигенция, пожалуй, оказывается еще более доверчивой и легковерной, чем подростки.

В проталкивании поп-продукции решающую роль играет телевидение. Газеты, обычная реклама — это всего лишь приправа, но, если вы попали в «ящик», ваше дело обеспечено на все сто.

В Штатах, где поп поставлен на коммерческую основу, заработать на нем может любой человек, у которого достаточно денег, чтобы отвоевать себе кусочек эфира, плюс чутье, чтобы пристроиться в подходящей фирме грамзаписи. Тут нет никакого греха: в любой индустрии происходит то же самое. Во всяком случае, любой коммерческий поп неизбежно идет по этому пути. Он будет становиться все более стандартизированным, все более запрограммированным и все более скучным, заправляемым двумя-тремя корпорациями. Эти корпорации будут мало похожи на нынешние крупные компании. Вместо них появятся огромные организации, которые объединят управление, рекламу, производство и распространение пластинок в единый гигантский комплекс. Даже если таких комплексов будет несколько, они и в этом случае аккуратно распределят между собой барыши. Таким образом, поп станет самостоятельной индустрией.

Перевел с английского
А. СОКОЛОВ

У подножия древнего Парфенона недавно установлена мраморная плита. На ней всего три слова: «Акрополь — Мир — Цивилизация». В этих словах обобщены идеалы, которые отстаивают демократические силы Греции. На первой странице обложки: демонстрация в Афинах под лозунгами: «Прекратить гонку вооружений!», «Остановить ядерный кошмар!», «Долой американские военные базы с греческой земли!»

В НОМЕРЕ:

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 02.09.85. Подп. к печ. 05.10.85. А00926. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 250 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 1758.

Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Никарагуа, далекая прекрасная страна, где министры сочиняют стихи, а крестьяне пишут картины... Страна, на которую с тревогой и надеждой смотрит сейчас весь мир, страна, вынужденная жить и трудиться в постоянной обороне от американского империализма. Родина Сандино и его сынов, сделавших своим девизом: жить свободными или умереть.

Сегодня по просьбе читателей мы публикуем «Гимн сандинистов», песню борцов за свободу Никарагуа:

«Вперед, компаньеро, вперед, революция продолжается! Сыны Сандино не продаются и не сдаются, вперед за свободу — победа или смерть! Народ, хозяин истории, скоро увидит солнце завтрашнего дня, озарившее землю, ту землю, что оставили нам наши герои, землю меда и молока. Вперед, компаньеро, боец сандинистского фронта!»

Adelante, marchemos compañeros,
avancemos a la revolución,
nuestro pueblo es el dueño de su historia,
arquitecto de su liberación.

Combatientes del Frente Sandinista,
adelante, que es nuestro porvenir,
rojinegra bandera nos cobija,
patria libre, vencer o mortir!

Los hijos de Sandino ni se venden,
ni se rinden,
— jamás —
luchamos contra el yankı,
enemigo de la humanidad!

Adelante, marchemos compañeros,
avancemos a la revolución,
nuestro pueblo es el dueño de su historia,
arquitecto de su liberación.

Hoy el amanecer dejó de ser una tentacion
mañana algún dia surgirá un nuevo sol
que va a iluminar toda la tierra
que nos legaron los heroes y martires
con caudalosos rios de leche y miel.

Индекс 70781
Цена 35 коп.